

Из книги «ПРОФЕССИЯ: РАЗВЕДЧИК»

Джордж Блейк, Клаус Фукс, Ким Филби, Хайнц Фельфе

Москва

Издательство политической литературы

1992

ОТ АВТОРОВ

Эта книга о разведке, которая находится на службе государства, помогая в решении интересующих его вопросов. Еще совсем недавно о своей разведке мы писали скупно и неохотно. Пышным цветом расцвела поверхностная беллетристика с вымышленными героями и надуманными ситуациями. Трудно, минуя тысячи рогаток и препон, находили дорогу к читателю имена Зорге, Абеля, Лонсдейла, Филби, Блейка, Фельфе и других. Сейчас времена изменились. С трудом, но открываются недоступные ранее архивы. История советской разведки предстает перед нами такой, какой она была, без умолчаний и передержек: в ней были как успехи, так и провалы. Она еще не написана, эта история, хотя живы многие из славной плеяды советских разведчиков военных и послевоенных лет, к сожалению, их становится все меньше и меньше.

Мы расскажем о четырех разных по жизненному опыту, воспитанию, социальному происхождению, взглядам, привычкам людях, связавших свою судьбу с советской разведкой. Их имена, ставшие сенсацией на Западе, еще совсем недавно были известны в нашей стране лишь узкому кругу посвященных. При всей разнице судеб их объединяла одна общая черта — все они добровольно пришли к сотрудничеству с советской разведкой, руководствуясь своими убеждениями и стремлением помочь государству и народу, к которому относились с чувством глубокой симпатии и уважения.

Отдавая на суд читателей эту книгу, предвидим упреки в односторонности и тенденциозности: дескать, «своих» мы называем разведчиками, героями, бескорыстно защищающими интересы советского государства, и наделяем их всяческими добродетелями; «чужих» презрительно

3

именуем «шпионами» и «агентами иностранных разведок» и приписываем им всяческие грехи и пороки: иностранный агент — это всегда враг, не гнушающийся любыми средствами ради своей гнусной цели — корыстно служить враждебным силам.

Чего греха таить — примитива такого схематизма, ходульности в некоторых наших не самых лучших произведениях этого жанра столько, что писатели-сатирики могут спать спокойно — на их жизнь материала хватит. Жанр мстит, когда писатель считает своего читателя малосведущим и всеядным. Этот упрек можно отнести и ко многим выходившим на Западе, особенно в период «холодной войны» изданиям, в которых советских разведчиков изображали обычно как мрачных убийц, не рассуждающих фанатиков, заурядных наемников или разочаровавшихся идеалистов.

В последнее время в нашей стране заметно увеличился поток критических

публикаций о деятельности разведывательных органов. Критика — явление совершенно нормальное в условиях правового и демократического государства, к которому мы все стремимся. Тем более что разведывательные органы, как и другие элементы нашей общественно-политической структуры, переживают сейчас процесс самоочищения, переоценки многих сложившихся стереотипов.

Настораживает другое — участившиеся попытки провести параллель между людьми с устойчивыми высокими нравственными принципами и заурядным предательством тех, кого вдохновляли лишь корыстные, низменные цели.

Между нравственной стойкостью героя нашей книги Клауса Фукса, человека, убежденного в том, что монопольное владение агрессивными силами смертоносным оружием опасно для судеб мира, и сознательно передавшего в СССР некоторые секреты атомной бомбы, подвергнутого остракизму за «предательство интересов Запада», молча страдавшего из-за непонимания, умершего неизвестным в стране, ради которой он пошел на жертвы; гордым одиночеством Кима Филби, оказавшегося в непривычной обстановке, где о нем порой забывали и не всегда понимали, разочаровавшегося, но верившего до конца в торжество идей добра и справедливости, и теми, чьи поступки определяли не высокие, гуманистические идеалы, приверженность определенным идеям, а исключительно корыстные соображения — непреодолимая нравственная пропасть. И забывать об этом нельзя.

У некоторых современных авторов как-то выходит, что убежденными сторонниками нашей страны могли быть только либо фанатики, либо обманутые, либо карьеристы.

Но есть также и те, кто скажет: убежденность героев нашей книги не что иное, как неспособность понять новые реальности и истинную правду о социальном устройстве мира и путях его совершенствования. Да, трудное, переломное, критическое время переживает сейчас страна, с которой более пятидесяти лет назад Ким Филби раз и навсегда связал свою судьбу и которая стала его второй родиной. Во многом разочарованным ушел он из жизни, но никогда, до самых последних дней не жалел о сделанном выборе.

И разве нравственный подвиг Клауса Фукса, самоотверженно работавшего во имя исповедуемых им гуманистических идеалов, прожившего трудную, но честную по самым высоким моральным нормам жизнь, стал от этого меньше?

Герои нашей книги жили не в свете «установок и резолюций», а в духе идеалов братства, человечности и служения людям, всей своей жизнью и делом стремились к утверждению этих идеалов на земле. И не их вина, что воплощать их в нашей стране в жизнь взялись люди, лишь провозглашавшие высокие цели.

Мы по-новому начинаем смотреть на нашу историю, на свое прошлое. Главное — не заболеть провалом памяти, не порвать очень важную для общества духовную нить, которая, несмотря ни на что, воплощалась сквозь десятилетия в лучших его представителях. Мы все, живущие на этой земле, должны переболеть нашим схематизмом, когда весь окружающий мир видится одномерным, нашим негативизмом, исповедуя который так легко и внешне просто переступить фундаментальные нравственные нормы, перечеркнуть всю историю, забыть о тех, кто искренне трудился и боролся, мечтая о величии и процветании нашей родины.

Клаус Фукс

В.Кулишов

КОНЕЦ АТОМНОМУ СЕКРЕТУ

Знание без совести — это крушение души.

Рабле

Автор выражает глубокую признательность Иоахиму Хельвигу, режиссеру и автору сценария фильма телевидения ГДР «Отцы тысячи солнц», посвященного Клаусу Фуку. Используемые в книге интервью и воспоминания лиц, знавших Клауса Фука, опубликованы с любезного разрешения Иоахима Хельвига.

ВЫБОР ПУТИ

Клаус Фукс родился 29 декабря 1911 года в деревне Рюссельхайм неподалеку от города Дармштадта (земля Гессен) в семье лютеранского священника. Его отец Эмиль Фукс был известным деятелем радикального меньшинства лютеранской церкви, резко выступавшего против известного христианского постулата: «Богу — богово, кесарю — кесарево», против несправедливостей, чинимых государством под предлогом защиты «христианских ценностей», за социальную справедливость и равенство. Еще учась на теологическом факультете Гессенского университета, он стал горячим сторонником идей так называемого «христианского социализма»¹. Его жизненным кредо стали слова Мартина Лютера: «Я не признаю власти папы и святейшего синклита. Свою совесть я подчиняю только слову Господа Бога». Подобно Лютеру и другим героям раннего протестантизма он стремился идти по жизни, следуя только велению своей совести и своих убеждений, невзирая на любые последствия и возможные лишения на этом пути.

Молодым священником он добровольно отправился в Манчестер, где провел два незабываемых года среди нищеты, бесправия и угнетения крупнейшего английского индустриального центра, проповедуя христианское милосердие и любовь к ближнему среди местной немецкой общины, помогая страждущим и провожая в последний путь тех, кто покинул земную юдоль на чужбине. Эмиль Фукс вернулся в Германию в 1904 году, еще более укрепившись в истинности идей социализма. В 1912 году он вступил в Социалистическую партию Германии, став первым в стране священником-социалистом. Социализм в его мировоззрении был логическим развитием христианских принципов добра, равенства и справедливости.

В 1906 го ду он взял в жены Эльзу Вагнер, от брака с которой родилось четверо детей: Элизабет, Герхард, Клаус и Кристель. Клаус был третьим ребенком в семье и получил при крещении в соответствии с христианской традицией три имени — Эмиль Юлиус Клаус, из которых выбрал для себя впоследствии третье. Шел 28-й год правления кайзера Вильгельма II. Германия стояла на пороге одного

¹ Христианский социализм — направление общественной мысли и теологическое учение конца XIX — начала XX века, синтез христианской религии и социалистического учения, постулирующий переустройство мира на основе нравственно-религиозного совершенствования личности.— *Прим. авт.*

из серьезнейших испытаний в ее истории.

Первую мировую войну семья Фуксов пережила в Рюссельхайме, где уютный родительский дом стал чем-то вроде ежедневного клуба, где собирались священники из близлежащих приходов, студенты, местная интеллигенция и рабочие и до ночи дискутировали о религии, социализме, марксизме и теософии.

В 1918 году семья Фуксов переехала в Айзенах — промышленный центр Тюрингии в самом сердце Германии. Клаусу исполнилось восемь лет, когда немецкая реакция в крови потопила социалистические республики в Бремене, Берлине, Баварии и когда были зверски убиты вожди германского пролетариата Карл Либкнехт и Роза Люксембург, а будущий фюрер всей Германии, а пока обитатель венских ночлежек и «богемский ефрейтор», Адольф Гитлер переехал в Мюнхен. Клаусу было 12 лет, когда страна оказалась в тисках тяжелейшего экономического, социального и политического кризиса, активизировалась реакция, стремясь переложить бремя кризиса на плечи трудящихся и подавить левое движение в стране, и начал набирать силу баварский фашизм, переместившись из чудотворной мюнхенской пивнушки «Штернэке» в громадный «Бюргер-бройкеллер», вербуя сторонников и готовясь к «пивному путчу».

В этом же году Клаус Фукс стал учеником гимназии «Оденвальдшуле» в Айзенахе, где уже учились Герхард и Элизабет и куда впоследствии поступила его младшая сестра Кристель. Еще подростком он проявил блестящие способности к математике и точным наукам, став вскоре лучшим учеником школы. В 1928 году в десятую годовщину Веймарской республики, когда министерство образования присудило одну-единственную премию лучшему ученику местных гимназий, этот приз достался Клаусу Фуксу.

С блеском закончив гимназию в Айзенахе, Клаус Фукс поступил на первый курс лейпцигского университета, выбрав в качестве главных учебных дисциплин математику и теоретическую физику. Это было время, когда теоретическая физика переживала эпоху «бури и натиска», рождалась современная квантовая механика. Создатели квантовой механики — Дирак, Бор, Шредингер и Гейзенберг были тогда совсем молодыми и все они так или иначе прошли через школу Макса Борна в Геттингенском университете. Нутром, интуицией чувствовавший, что в физике начинается революционный перелом, Макс Борн вместе с несколькими ассистентами создал в Геттингене самую настоящую цитадель науки. Его школу прошли ученые, с кем потом сведет судьба Клауса Фукса: Р. Пайерлс, О. Фриш, Э. Теллер, Г. Бете, Л. Сцилард. Именно Макса Борна девять лет спустя Клаус Фукс назовет своим Учителем.

К началу 30-х годов определились мировоззренческие позиции Клауса Фукса. Следуя семейной традиции, он вступил в Социалистическую партию Германии, став вскоре одним из лидеров молодежной полувоенной организации Reichsbanner, объединявшей членов СПГ и Демократической партии, задуманной как противовес набиравшим силу нацистским молодчикам. Хрупкий, далеко не атлетического сложения, с детства близорукий и без очков не способный сделать и шаг, Клаус Фукс вместе с другими «Райхсбаннерами» отважно дрался на улицах с штурмовиками СА и «коричневорубашечниками», распространял листовки, выступал на студенческих митингах. Это было переломное время, когда никто не мог оставаться в стороне, когда политика была не «хобби» и способом времяпрепровождения, а смыслом и способом жизни, разрывала семейные связи, определяла вы бор друзей и врагов. В семье Фуксов этого не произошло. Герхард и Элизабет вступили в СПГ еще в 1928 году.

Из неопубликованного интервью Клауса Фукса: «...поворот в моем сознании совпал с мировым экономическим кризисом 1929—1930 годов. Для немецкого народа, прежде всего для рабочего класса, крестьянства, средних слоев, кризис стал самой настоящей катастрофой. Немецкая экономика, связанная с иностранными капиталовложениями, задолжавшая другим странам, переносила кризис особенно болезненно. Катастрофическое разорение и обнищание страны вызвало такой же стремительный рост нацистских настроений. Нацисты были очень ловкими политиками и демагогами, виртуозно игравшими на струнах мещанских сердец, разжигая в них шовинизм, милитаризм и крайний национализм. Влиятельной партией в Германии, последовательно боровшейся против наступления нацистов, были коммунисты, однако раскол рабочего класса, вызванный тем, что отсутствовал единый, социал-демократов с коммунистами, фронт борьбы против фашизма, ослабил демократические силы в эту роковую для истории Германии минуту.

Тяжелые экономические потрясения, рост нацизма, укрепление фашистской идеологии, феномен Гитлера — вот вопросы, которые занимали меня и моего брата Герхарда, под сильным влиянием которого я тогда находился. Следуя семейной традиции, мы начинали как социал-демократы, но вся политическая, экономическая и социальная обстановка тех лет, естественно, привела нас к Марксу, Энгельсу и Ленину, к коммунистическому мировоззрению».

В мае 1931 года семья переехала в Киль, где Эмилю Фуксу предложили место профессора теологии в местной Педагогической академии. Еще в Айзенахе за Фуксами закрепилась кличка «красных лис»², в Киле это прозвище тут же привилось, так как политический спектр семьи Фуксов стал действительно красным. Вслед за Герхардом и Клаусом членом КПП стала старшая сестра Элизабет. Для убежденного пацифиста и христианского социалиста Эмиля Фукса жизненный выбор его детей был делом их совести и внутренних убеждений, и ничто, казалось, не нарушало теплую, любящую и полную взаимного уважения атмосферу родительского дома. Трагедия произошла в один из октябрьских дней 1931 года. Эмиль Фукс, придя домой днем на обед, застал свою всегда тихую, молчаливую, с выражением вечной материнской заботы на лице, столь любимую и уважаемую им жену, с которой они прожили бок о бок 25 долгих лет, умирающей на кухонном полу. За несколько минут до его прихода она сознательно выпила соляную кислоту — один из самых мучительных способов самоубийства. Ее последними словами были: «Мамочка, я иду к тебе». Только после ее смерти узнал Эмиль Фукс, что ее мать также покончила жизнь самоубийством. Что толкнуло ее, окруженную внимательным, заботливым мужем а любящими детьми, к этому — не ясно. В семье Фуксов эта тема стала табу на годы вперед. Объяснение может быть только одно — подсознательным материнским инстинктом она почувствовала надвигающуюся на ее детей и мужа беду, и это разбудило скрытые механизмы больной психики, унаследованные ею от матери. Клаус Фукс никогда, даже в разговорах с близкими друзьями и женой, не вспоминал свою мать, — наверное, одно воспоминание о том страшном октябрьском дне 1931 года причиняло ему мучительную душевную боль.

Вспоминает Кристель Хольцер (урожденная Фукс): «...Клаус многое унаследовал от характера нашей матери, которая также была очень сдержанной и в то же время очень нежной и деликатной. Некоторые принимали его природную сдержанность и замкнутость за высокомерие и заносчивость. Нет, высокомерным и заносчивым, несмотря на то, что он всегда был лучшим учеником в школе, да и

² «Fuchs» — «лиса» (нем.).

в университете, где, казалось, занимался одной лишь политикой, он не был. По своему характеру Клаус действительно был похож на нашу мать, хотя душевно был ближе к наш ему отцу. И это несмотря на то, что по характеру они были совершенно разными людьми. Наш отец обладал удивительным обаянием, казалось, он прямо-таки излучал тепло, благожелательность, добросердечие и симпатию. В каком бы обществе он ни находился, он всегда рано или поздно становился главным рассказчиком и собеседником. Казалось, какие-то флюиды добра и теплоты постоянно сопровождают его...»

30 января 1933 года, после месяцев закулисной борьбы и интриг за передачу власти, президент Гинденбург сделал канцлером Германии Гитлера. Получив мандат на «легальность», Гитлер за несколько недель сокрушил парламентский строй в стране, расправился с сотнями тысяч людей, уничтожил все завоевания демократии. Рабочий класс Германии, ослабленный годами безработицы и лишений, разобщенный непоследовательной политикой социал-демократов и недальновидной позицией Коминтерна, не сумел помешать приходу нацистов к власти.

Жертвой зверских расправ в первую неделю легального нацистского террора стали многие сотни членов КППГ. Полицейские и штурмовики врываются в квартиры, бесчинствовали на улицах, убивали, избивали и арестовывали всех, кто был известен как противник фюрера. В общей сложности из 300 тысяч членов Коммунистической партии Германии 150 тысяч были либо убиты, либо арестованы, либо вынуждены были бежать из страны. В их числе был молодой коммунист Клаус Фукс. Приказ об его аресте был подписан заранее, и только счастливая случайность спасла его от гибели.

Из неопубликованного интервью Клауса Фука: «...в этот день я сделал то, что давно уже не делал в последние два месяца,— я провел ночь в своем родном доме. Руководство партии готовилось к переходу на нелегальное положение и строго-настрого запретило своим активистам спать дома. Мне повезло, так как на следующий день после поджога рейхстага я встал очень рано утром с тем, чтобы успеть на первый поезд в Берлин, где должна была состояться конференция студенческой организации КППГ, и это была единственная причина, почему я избежал ареста. Я хорошо помню, как в поезде, открыв утреннюю газету на первой странице, я увидел сообщение о поджоге рейхстага, в котором обыгрывались слова: «Ван дер Люббе», «коммунисты» и «попытка государственного переворота», я сразу же осознал значение всего случившегося и что подпольная борьба уже началась. Я тут же снял значок с серпом и молотом с лацкана своего пиджака, так как носить его стало опасно...»

Из признания Клауса Фука английской контрразведке, сделанного им 27 января 1950 года:

«...все это время, пока бесчинствовали нацисты, я находился на нелегальном положении, пока не покинул Германию. Я был направлен в эмиграцию руководством партии, которое сказало мне, что я должен завершить учебу, так как после революции и победы над фашизмом новой, демократической Германии потребуются люди с самыми разносторонними, в том числе техническими, знаниями. Я вначале выехал во Францию, а затем в Англию, где продолжил занятия физикой и математикой и одновременно начал более углубленно изучать основы марксистской философии...»

Дальнейшая судьба членов семьи Фуков сложится трагично. Брата Герхарда и его жену Карин гестапо арестует в 1934 году, они проведут два года в тюрьме, где у них родится ребенок. Выйдя из тюрьмы, они убегут в Прагу, где Герхард

заболеет туберкулезом. Накануне захвата немцами Чехословакии Герхард выедет в Швейцарию на лечение, оставив на время жену с маленьким сыном в Праге. Их следы затеряются в одном из бесчисленных концентрационных лагерей третьего рейха.

Осенью 1935 года Эмиль Фукс предстанет перед нацистским «судом», где будет приговорен к 10 месяцам тюрьмы за «антиправительственную агитацию», но благодаря международной поддержке квакеров будет досрочно освобожден через месяц. В 1936 году черед дойдет и до сестры Клауса Фукса Элизабет. Гестапо арестует ее мужа — Клауса Киттовски за попытку нелегального вывоза за рубеж «врагов нации» и направит его в концентрационный лагерь на Эльбе. Элизабет с годовалым сыном Клаусом на руках (названным так в честь его дяди — Клауса Фукса) переедет к отцу. В 1937 году в отчаянной попытке спасти мужа она переплывет Эльбу и сумеет организовать его побег из лагеря. Они доберутся до Праги, где в 1939 году Элизабет, в состоянии глубокой душевной депрессии, потеряв всякую надежду вновь увидеть отца и сына, не в силах найти проблеск света в кромешном мраке нацистской оккупации, покончит с собой, прыгнув с моста под колеса поезда. Ее муж закончит свою жизнь в лагере. Относительно благополучно сложится судьба у младшей сестры Клауса Фукса — Кристель. Она уедет в Швейцарию, а оттуда в 1936 году в Соединенные Штаты, где, благодаря содействию местных квакеров, закончит Свартморский колледж близ Филадельфии, выйдет замуж за американца немецкого происхождения Роберта Хайнемана и в 1938 году станет подданной США. Глава семейства Эмиль Фукс останется в Германии с маленьким внуком на руках и только после войны узнает о судьбе своих детей. Вспоминает вдова Клауса Фукса — Грета Кейльсон-Фукс:

«...в один прекрасный день в кругу немецких эмигрантов в Париже появился один необычайно худой, в очках, симпатичный молодой студент из Берлина, о котором было известно только, что он — сын лютеранского священника откуда-то с севера. Беженцы из Германии, в том числе и наши товарищи, в ту пору прибывали чуть ли не каждый день, но этот человек сразу же привлек мое внимание каким-то удивительным светом внутреннего страдания на лице. В то время не было принято задавать лишние вопросы, и только годы спустя я узнала о тех испытаниях, которые выпали на долю его семьи.

Сразу же после приезда в Париж Клаус активно включился в работу антифашистского комитета Анри Барбюса, где мы и познакомились. Я уже не помню, как произошло наше знакомство и кто нас познакомил, комитет заседал в одном из парижских кафе, каждый день приходили новые люди, и в той обстановке братства, товарищества и душевного подъема, по верьте, было не до расшаркиваний и галантностей. «Здравствуй, товарищ!», «Ты откуда, товарищ?», «Сядь, товарищ, будешь заниматься тем-то и тем-то». Когда я впервые увидела его, он, примостившись на стуле в углу комнаты, что-то писал прямо на коленях. Мне шепотом объяснили, что этот «товарищ» недавно нелегально приехал «оттуда» и что он будет работать у нас в комитете.

Только, ради бога, не придумывайте никаких романтических историй о любви с «первого взгляда» и о том, как мы встретились вновь через много лет. Все это не так. Вернее, и так, и не так. Хотя мы почти одногодки, в то время я была замужем и уже только поэтому чувствовала себя и старше, и опытнее его. Тем более что он был совершеннейшим ребенком, а уж мы, женщины, чувствуем это сразу. Не скрою, он мне нравился, но не более, чем нравится молодой симпатичный юноша молодой женщине. Видя, что он совершенно одинок в Париже и, судя по всему, сильно нуждается, я несколько раз приглашала его к нам домой на ужин. Отель,

вернее, дешевый пансион, где мы тогда жили, находился довольно далеко и, несмотря на это, порядочный кусок пути от метро до нашего дома мы обычно шли пешком. Странное дело, хотя он действительно был молчаливо м, но в моей памяти эти прогулки в далеком Париже 1933 года сохранились, как какие-то увлекательные беседы на какие-то чрезвычайно интересные темы, хотя сейчас я прекрасно понимаю, что говорила в основном я о дне, а он больше молчал. С первого нашего знакомства его молчаливость и сдержанность никогда не казались мне тягостными, и знаете почему? Потому что он удивительно умел слушать. Я в ту пору, как и любая женщина в этом возрасте, была и болтушкой, и хохотушкой, немного кокеткой, и мне очень нравилось его смущение, сквозь которое проступала юношеская чистота и скромность, которые так нравятся нам, женщинам. Как-то довольно неожиданно он начал называть меня «Марго». По его словам, это имя больше подходило мне, чем патриархально-бюргерское «Грета».

Дома за ужином в основном опять говорила я, хотя мне казалось, что говорим мы все вместе. «Ну что ты находишь в этом парне,— все спрашивал меня муж,— из него же слова не вытянешь?» Потом Клаус уехал. Случилось это 24 сентября 1933 года. Я хорошо помню эту дату, так как на следующий день начинался процесс над Георгием Димитровым. Начался сбор воззваний и подписей протеста, я с головой ушла в эту работу, и поэтому его отъезд прошел как-то незаметно. Был — и уехал. Он прислал мне несколько коротких шуточных писем из Англии, в которых по-прежнему называл меня «Марго». А потом я уехала в Москву, где работала вначале в аппарате ИККИ у Георгия Димитрова, затем в секретариате у Вильгельма Пика, затем в Красногорске в комитете «Свободная Германия», затем после войны в аппарате ЦК, одним словом, началась жизнь, в которой каждый день был событием и которую я согласна прожить еще раз так же от первого до последнего дня...»

«СТАНОВЛЕНИЕ»

24 сентября 1933 года Клаус Фукс сел на паром, совершавший челночные рейсы между Францией и Англией, став одним из десятков тысяч немецких беженцев, чьи судьбы были безжалостно исковерканы нацизмом. Позади была страна, которую они всю жизнь считали своей родиной, ставшая вдруг сплошным громадным концлагерем, близкие и друзья; впереди была неизвестность, страх за них, эмигрантская униженность, лишения, разочарования и слабый луч надежды на будущее.

Из Германии бежали не только коммунисты, социалисты и, вообще, люди левых убеждений. Бежали и люди, далекие от политики, чья вина заключалась только в том, что они евреи. Среди них было много видных талантливых ученых.

Из Германии, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Италии, спасаясь от фашизма и репрессий, в Англию, а затем в США эмигрировали крупнейшие физики Европы: А. Эйнштейн, М. Борн, Ю. Вигнер, Л. Сцилард, Х. Бете, Дж. Франк, Э. Теллер, Р. Пайерлс, О. Фриш, Г. Плачек, В. Гесс, Э. Ферми, Э. Сегре, Б. Понтекорво и многие другие. Немецкие университеты, бывшие еще недавно центром мировой науки, обезлюдели. Они уедут с болью в сердце, хорошо узнав погромный лик фашизма. Они первыми поймут возможности взрывного ядерного деления и первыми увидят, какую опасность для народов мира представляют работы немецких физиков по созданию «сверхоружия». Они, как, например, А. Эйнштейн и Л. Сцилард, первыми забьют в набат и, преодолев стену косности, непонимания и недоверия, не только убедят западных союзников в

необходимости создания атомной бомбы, но и первыми создадут ее. И наступит время, когда Гитлеру и его клике придется горько раскаиваться в том, что они так легко и бездумно выпустили лучшие европейские умы (если они, вообще, были способны на это чувство). 25 сентября 1933 года Клаус Фукс прибыл в порт Дувр. Весь его багаж состоял из небольшого чемодана и саквояжа. Чиновникам английской пограничной и эмиграционной служб, долго и придирчиво изучавшим его немецкий паспорт, на вопрос о цели поездки в Великобританию он сказал, что собирается изучать физику в Бристольском университете. Это был ответ на официально поставленный вопрос, не более, чем слабая надежда, хотя он действительно направлялся в небольшой городок Сомерсет неподалеку от Бристоля. В нем жили хорошие знакомые его отца по международной квакерской организации «Общество друзей» — Джесси и Рональд Ганн, которым он написал письмо из Парижа и которые вызвались помочь ему устроиться в Англии.

Из неопубликованного интервью Клауса Фукса: «...после того, как я пересек Па-де-Кале и очутился в тихом университете Бристоль без денег, с одним лишь отцовским рекомендательным письмом в кармане и слабыми надеждами на будущее, передо мной встал вопрос: как выполнить поставленное партией задание, как получить образование, как стать специалистом, чьи знания и опыт пригодились бы для строительства новой Германии. Мне повезло, на моем пути встретились чудесные люди, чью доброту и поддержку я не забуду до конца дней своих. По их рекомендации я попал к профессору Мотту, хотя, как мне кажется, лучшей рекомендацией для него стало то, что я учился в Лейпциге у Нобелевских лауреатов Гейзенберга и Френкеля. После некоторого размышления я решил переключиться с чистой математики, которая была моей основной специальностью в Лейпцигском и Кильском университетах, на теоретическую физику. Профессор Мотт сразу же подключил меня к теоретическим исследованиям в области квантовой механики».

Вспоминает сэр Нэвилл Фрэнсиз Мотт, Нобелевский лауреат, член Королевского научного общества, профессор Бристольского и Кембриджского университетов, многолетний директор Кэвэндишевской лаборатории:

«...в то время, в 1933—1934 годах, когда первые немецкие беженцы стали прибывать с континента в Англию, я был еще совсем молодым профессором физики в Бристольском университете. К счастью, у нас была возможность, благодаря финансовой поддержке одной английской табачной фирмы, взять стипендиатами на кафедру физики нескольких ученых из Германии. Большинство из них были евреи, бежавшие от нацистского террора. Я хорошо помню, как однажды мой хороший знакомый, которого я знал как квакера, привел ко мне в кабинет молодого неразговорчивого немца по имени Клаус Фукс. Он едва говорил по-английски, я же мог объясняться на немецком. Он выразил желание защитить диссертацию в области теоретической физики под моим руководством и остался работать на моей кафедре в течение четырех лет. За эти годы он опубликовал несколько замечательных научных работ, на которые до сих пор ссылаются в научном мире. К. Фукс работал над проблемами, которые очень интересовали меня самого. С помощью открытых трудов Гейзенберга, Макса Борна и Шредера законов квантовой механики можно уже было теоретически предсказать свойства некоторых металлов в определенных условиях. Так, я попросил его рассчитать эластичную прочность натрия. Как поведет он себя в условиях механического сгибания? Клаус Фукс написал очень хорошую работу на эту тему. Затем он рассчитал свойства тонких металлических слоев, и эти работы до сих пор являются фундаментальными в области физики твердого тела.

Клаус Фукс показал себя исключительно одаренным физиком-теоретиком, и если бы не война и другие обстоятельства, то он к 40 годам был бы уже профессором и заведующим кафедрой физики в одном из британских университетов. Я, разумеется, не предсказатель, но вполне вероятно, что он бы стал Нобелевским лауреатом и членом Королевского научного общества. Ему я всегда предсказывал большое будущее в науке...»

...Младшими научными ассистентами на кафедре у Нэвилла Мотта были также два молодых немецких физика, с которыми судьба еще столкнет Клауса Фукса: Ганс Бете станет выдающимся физиком, одним из создателей атомного и водородного оружия, одиннадцать лет спустя он станет руководителем отдела теоретической физики Лос-Аламосской лаборатории, под началом которого будет работать Клаус Фукс; Герберт Скиннер станет близким другом и начальником Фукса в английском атомном центре в Харвелле и сыграет через 17 лет такую фатальную роль в его признании и аресте...

...Годы, проведенные в Бристоле, он будет вспоминать с удовольствием. Он будет помнить живописные викторианского стиля университетские здания, уступами спускавшиеся к набережной Северна, новое с иголки здание кафедры физики, свой заваленный бумагами стол в ассистентской комнате на втором этаже, ухоженные аллеи и аккуратно подстриженные газоны университетского парка и себя самого: худого, долговязого, далеко не изысканно одетого, с волчьим молодым голодом, одинокого я чужого всем эмигранта.

Здесь, в Бристоле, он впервые познакомился с англичанами и постепенно начал любить этих приветливых, предупредительных, без тени фамильярности, тактичных, уравновешенных и порядочных людей. Ему понравились парадоксы в английском характере — это странное сочетание конформизма и индивидуализма, эксцентричности и прилаженности, приветливости и замкнутости, отчужденности и участливости, простоты и снобизма. Он научился угадывать за внешней сдержанностью и бесстрастностью эмоциональность и редкую душевную восприимчивость. Как и все иностранцы, он долго и мучительно вживался в эту страну, привыкал и приспосабливался к ее неспешному сдержанному ритму, а потом сразу и навсегда полюбил ее климат, море, зеленую траву газонов, старые университеты, традиции, пабы, теннис, гольф, старинные парки, мягкую неброскую красоту ее пейзажей, ее маленькие провинциальные городки, где так зримо ощущаешь безвозвратно ушедшую диккенсовскую «добрую старую Англию»...

Клаусу Фуксу удалось бежать из Германии, но убежать от зоркого взгляда гестапо он не смог. Не прошло и года с тех пор, как он пересек Дувр, а у него уже начались проблемы с паспортом и, соответственно, его легальным статусом. В августе 1934 года немецкий консул в Бристоле С. Хартли-Ходдер отказался продлить его паспорт «без соответствующего подтверждения» из полиции города Киля (подтверждения чего?). В октябре 1934 года Нэвилл Мотт при поддержке Академического совета Бристольского университета попытался продлить немецкий паспорт Фукса через министерство иностранных дел. Очень скоро его просроченный паспорт был «любезно» возвращен в министерство внутренних дел посольством Германии в Лондоне с полученным из полиции Киля «подтверждением» того, что Клаус Фукс является «коммунистом». Формально он не имел права находиться на территории Великобритании и должен был вернуться в Германию, что, в его ситуации, означало неминуемую гибель. Положение спас Нэвилл Мотт, который убедил Академический совет Эдинбургского университета ходатайствовать перед министерством внутренних

дел о продлении срока вида на жительство, несмотря на просроченный паспорт. Начиная с декабря 1934 года в течение восьми последующих лет вид на жительство ему автоматически продлевался на один год. Фактически Клаус Фукс все эти годы был лицом без гражданства.

Первый год в Англии Клаус прожил в доме Ганнов в Соммерсете, а когда они сняли большой дом в Бристоле, он переехал вместе с ними и провел в этой гостеприимной семье еще два года. В 1936 году, когда его финансовое положение немного улучшилось, он снял комнату в пансионе неподалеку от Ганнов и по-прежнему часто бывал у них. Этим людям, несмотря на то что они принадлежали к так называемому «upper-middle class» («верхний средний класс»), он доверял, и они знали, что он коммунист. За пределами этого дома Клаус Фукс свои левых симпатий то же не скрывал, хотя никому не рассказывал о своем прошлом. В свободное время он штудировал классиков марксизма-ленинизма и открыто посещал, вместе с Нэвиллом Моттом, собрания местного отделения Общества культурных связей с Советским Союзом. Бежавшие в Англию немецкие коммунисты легализовали часть своих наиболее видных активистов и функционеров и организовали по всей стране полуофициальные представительства КПГ в виде так называемых «свободных немецких обществ». Такое представительство было и в Бристоле, но Фукс не стал легально вступать в него, а лишь проинформировал эмигрантское руководство КПГ о своем нахождении в Англии. Он инстинктивно чувствовал, что терпимость английских властей — фактор временный и чисто внешний и что в интересах данного ему партией задания лучше оставаться нелегальным ее членом.

В декабре 1936 года Клаус Фукс с блеском защитил дипломную диссертационную работу под названием «Связующие силы металлической меди и эластические константы моновалентных металлов» и получил свою первую, то есть «докторскую степень»³. На кафедре у профессора Мотта на шесть немецких аспирантов-беженцев из нацистской Германии было выделено лишь три доцентские должности, и Клаус Фукс попал в число тех троих, кому пришлось искать новое место. Нэвилл Мотт, предсказывавший Фуку блестящую научную карьеру, написал рекомендательное письмо в Эдинбург одному из выдающихся физиков немецкой диаспоры конца 30-х годов Макс Борну, у которого он сам учился в Гёттингенском университете, с просьбой принять молодого немецкого физика в аспирантуру при кафедре теоретической физики Эдинбургского университета. Борн согласился, и уже в феврале 1937 года Клаус Фукс, попрощавшись с Моттом и гостеприимной семьей Ганнов, выехал на север в столицу Шотландии. Среди нехитрого багажа в саквояже лежал новенький, еще пахнущий типографской краской номер «Научных записок Королевского общества», в котором была опубликована его первая научная работа. Для молодого, никому не известного физика, вчерашнего беженца с временным видом на жительство, это была честь, и честь немалая.

Макс Борн в своей книге «Моя жизнь и взгляды», рассказывая о семнадцати годах, проведенных в Эдинбургском университете, в качестве одного из своих наиболее талантливых учеников называет Клауса Фукса, которого характеризует «блестяще одаренным молодым человеком», который был «чрезвычайно скромным» и в то же время «очень одиноким, приятным, добросердечным и доброжелательным», у которого были «печальные глаза» и «который, наверное, пострадал от нацистов больше, чем другие беженцы», который никогда не

³ Приблизительно соответствует ученой степени кандидата наук. *Прим. авт.*

скрывал, что он — коммунист. Убедившись в чрезвычайной талантливости молодого немца, Макс Борн выхлопотал для него у университетского Академического совета скромную ежегодную стипендию в размере 42 фунтов стерлингов в год. Несмотря на разницу в годах и положении в научном мире, они подружились, если так можно выразиться об учителе и ученике. Блестящая математическая интуиция Клауса Фукса прекрасно дополняла глубокое проникновение Макса Борна в суть квантово-механических явлений. Вместе они опубликовали в «Научных записках» две работы, являющиеся и до сих пор фундаментальными в этой области: «Статическая механика конденсационных систем» и «О флюктуационных процессах при электромагнитном излучении». В другом академическом журнале они опубликовали еще одну совместную статью «Уравнение состояния в плотном газе». В 1938 году Макс Борн добился для него дополнительной стипендии из фонда Карнеги и оставил работать в своей лаборатории еще один год сверх аспирантского срока.

Из неопубликованного интервью Клауса Фукса: «...я очень многим обязан Макс Борну. Наверное, лучше всего это проиллюстрировать известным тезисом Ленина о том, что каждая новая революция в физике означает также новую революцию в диалектическом материализме. Парадоксально, но насколько чтение трудов Энгельса помогло мне для понимания основ квантовой механики, настолько Макс Борн помог мне, может, даже сам того не сознавая, лучше понять основы марксистской диалектики и этот ленинский тезис. Макс Борн научил меня понимать сущность квантомеханической теории и овладеть ее математическим аппаратом, дать физическое истолкование формулам, понять, каким образом их следует применять в том или ином эксперименте, внести ясность в непостижимую для меня тогда двойственность материи, в которой корпускулярные свойства частиц необъяснимым образом уживались с волновыми. По-настоящему я почувствовал себя физиком-теоретиком только после семинаров Макса Борна по квантовой механике в Эдинбургском университете.

Для меня он всегда был и остался Учителем. Своим местом в науке, каким бы оно ни было, я обязан Макс Борну...»

В Эдинбурге Клаус Фукс не прекращал активной политической деятельности. Вместе с другим немецким физиком — Гансом Келлерманом он посещал собрания местного отделения Общества культурных связей с Советским Союзом, организовал вместе с ним антифашистский комитет, занимавшийся распространением антинацистских листовок. В обстановке того ужаса и отвращения, которое внушал бесчеловечный режим третьего рейха, эта деятельность эмигрантов и беженцев из Германии не казалась чем-то необычным или подозрительным. Сотни, тысячи людей, не будучи коммунистами, посещали организуемые коммунистами митинги, приветствовали их ораторов, поддерживали их лозунги, оказывали им поддержку, помогали добровольными пожертвованиями, распространяли их литературу. Устойчивыми были симпатии к Советскому Союзу, хотя пакт Молотова — Риббентропа 1939 года стал холодным душем для многих представителей либеральной интеллигенции Англии и Запада. Все эти годы Клаус Фукс, продолжая оставаться нелегальным членом КПП, не скрывал своих взглядов, и поэтому трудно понять тех западных авторов, которые утверждают, что он «умело маскировал свои убеждения», мимикрируя под «благонадежного», «обманывал» окружение с одной лишь целью «завладеть» государственными секретами на благо «международного коммунизма».

Шесть первых лет, проведенных в Англии, стали годами становления Клауса Фукса и как ученого, и как человека. Они укрепили его в верности выбранного им

пути и подвели его во всеоружии знаний, убеждений и нравственного опыта к переломному периоду в его жизни.

ПУТЬ К БОМБЕ

Этот период в жизни Клауса Фукса совпал по времени с эпохальными открытиями в области ядерной физики, в корне изменившими наши представления о материи. Волей судьбы он стал непосредственным участником пролога великой исторической драмы, в финале которой, вполне вероятно, может исчезнуть человечество и вся созданная им тысячелетиями цивилизация. В его личной судьбе это, пожалуй, самый интересный, удивительный и поворотный период жизни. За четыре с небольшим года он из безызвестного эмигранта, пережив падения и взлеты, стал участником сверхсекретного англо-американского военного проекта, известного в истории под названием «манхэттенского». Им двигало не мелкое тщеславие, не корысть, а жажда научного поиска, стремление проникнуть в самые сокровенные тайны мироздания. Осознав, какую страшную разрушительную силу несет в себе новое оружие, он встал перед серьезным нравственным выбором: продолжить работу над атомной бомбой или уйти из проекта. Он решил остаться, хорошо понимая, как важно не дать гитлеровскому руководству первому получить это оружие. Одновременно он делает свой нравственный выбор, круто изменивший всю его дальнейшую судьбу: отчетливо понимая не только роль атомной энергии в развитии технического прогресса, но и угрозу миру, которую несет монопольное владение таким оружием, особенно учитывая настроения реакционных милитаристских кругов, коммунист по убеждению, Клаус Фукс решил передать всю известную ему информацию об атомных разработках Советскому Союзу. В этих целях он добровольно, по собственной инициативе, связался с представителями советской разведки в Англии...

В Великобритании теоретические исследования в области создания атомного оружия начались значительно раньше, чем в США. Одним из тех, кто дал толчок первым английским исследованиям в этой области, был молодой немецкий физик Рудольф Пайерлс, с которым Клауса Фукса судьба сведет на долгие годы.

Уроженец Берлина, один из блестящей геттингенской плеяды Макса Борна, Рудольф Пайерлс покинул Германию, перебравшись в Цюрих еще в 1929 году, задолго до прихода нацистов к власти. В Англию он переехал в марте 1933 года, практически одновременно с первой волной беженцев от нацистского террора. Получив место в Кембридже, он приехал туда с молодой женой — Евгенией Николаевной Канегиссер, выпускницей Ленинградского физико-технического института, с которой познакомился летом 1930 года в Одессе на I Всесоюзной конференции по изучению атомного ядра.

Летом 1939 года Пайерлс, возглавивший незадолго до этого кафедру теоретической физики Бирмингемского университета, начал работать над решением ключевого вопроса на пути к созданию атомной бомбы — определением критической массы чистого урана. В августе, за несколько дней до начала второй мировой войны, к нему присоединился знаменитый немецкий ученый Отто Фриш, который в декабре 1938 года вместе с Лизой Мейтнер первым в мире дал верное физическое толкование процессу искусственного деления ядра урана под влиянием тяжелых нейтронов. Этим двум ученым суждено было сыграть решающую роль в теоретическом прорыве на пути к созданию атомной бомбы. Уже в начале 1940 года Пайерлс и Фриш, не прекращавшие упорной

исследовательской работы, сумели определить величину так называемого «сечения деления» чистого урана.

Декабрь 1938 года — поворотный пункт в развитии ядерной физики — стал для Клауса Фукса памятным еще и потому, что именно в этот месяц министерство внутренних дел Великобритании выдало ему бессрочный вид на жительство (resilence permit), что покончило с его двусмысленным существованием гражданина третьего рейха. В августе 1939 года, за несколько дней до начала второй мировой войны Клаус Фукс, который находился в Англии же почти шесть лет — срок по английским законам достаточный для натурализации, — направил официальное прошение о предоставлении ему британского гражданства. По иронии судьбы, ответ из министерства внутренних дел о том, что его просьба принята к рассмотрению, он получил 31 августа 1939 года, в день, который стал последним мирным днем Европы.

Надежды Фукса стать британским гражданином рухнули в первый же день войны, который в одно мгновение превратил его из пользующегося сочувствием эмигранта и беженца из нацистской Германии во «враждебного иностранца». Его прошение о принятии в британское подданство было аннулировано, а сам он, как и 70 тысяч других беженцев из Германии и Австрии, предстал перед так называемой alien tribunal — комиссией по проверке лояльности лиц, относящихся к категории «враждебных иностранцев». В соответствии с распоряжением министра внутренней безопасности Джона Андерсона уже в сентябре 1939 года по всей Англии было учреждено более сотни таких комиссий. Все «враждебные» иностранцы были разбиты на три категории: А, В и С. Последняя категория означала, что возможность нанесения ущерба данным конкретным иностранцем интересам безопасности Великобритании является минимальной и что административные ограничения, накладываемые на него, также должны носить минимальный характер. 80 процентов всех немецких эмигрантов, в основном евреев, бежавших от нацистского ужаса, состояли именно в этой категории «враждебных» иностранцев.

Когда Фукс 2 ноября 1939 года впервые предстал перед комиссией по проверке лояльности «враждебных» иностранцев, произошло это не потому, что он был коммунистом, а потому, что он был немцем.

...За Клауса Фукса поручился его учитель Макс Борн. В своем письме в комиссию по проверке лояльности он подтвердил, что Фукс в период с 1930 по 1932 год был членом Социал-демократической партии Германии и убежденным противником нацизма. Не без усилий Макса Борна Фукс попал в льготную категорию «С» и вплоть до своего интернирования в мае 1940 года он должен был только периодически являться в местную полицию и сообщать о своих передвижениях и выездах в другие города страны...

В мае 1940 года, после того как Гитлер ошеломляющим ударом оккупировал Данию, Бельгию, Голландию, Люксембург и Францию и угроза высадки немецких войск в Англии стала страшной реальностью, все «враждебные иностранцы» категории «В» и частично категории «С» были переведены в категорию «повышенного риска» «А» и интернированы.

Из неопубликованного интервью Клауса Фукса: «...В первую волну интернированных немцев я не попал по двум причинам: во-первых, благодаря поддержке Макса Борна, во-вторых, еще и потому, что по сравнению с другими немецкими эмигрантами я был относительно «устроен»: у меня была твердая специальность и в перспективе благополучная академическая карьера. Но после того, как пала Франция и над Англией нависла реальная угроза вторжения, все без

исключения немецкие эмигранты, жившие в районе английских портов, были немедленно интернированы. 12 мая 1940 года меня вызвали повторно в местную комиссию по проверке благонадежности иностранцев, а уже через несколько дней у дверей моего дома стоял полицейский, который без лишних церемоний приказал мне собрать самые необходимые вещи и явиться в полицейский участок. Через несколько часов я вместе с тысячами других немецких эмигрантов был доставлен на остров Мэн в лагерь для интернированных. Я даже не успел предупредить Макса Борна, что не смогу прийти на работу. В тот же день забрали моего друга Ганса Келлерманна...»

Клаусу Фуксу не помогло повторное вмешательство Макса Борна, который в письме на имя председателя «Общества по охране науки и знания» Эстер Симпсон охарактеризовал его как «одного из двух или трех наиболее одаренных физиков-теоретиков молодого поколения» и как ученого, способного внести значительный вклад в проведение научных исследований, имеющих «общенациональное значение». Несмотря на столь лестные характеристики, Фукс, равно как и тысячи других немецких эмигрантов, буквально за несколько часов был доставлен в спешно сооруженный лагерь для интернированных иностранцев на острове Мэн. В лагере Фукс, судя по всему, быстро завоевал авторитет среди заключенных и даже вошел в местное лагерное самоуправление, так как уже 13 июня Макс Борн писал ему из Эдинбурга: «...мы очень рады, что вам доверили ответственную должность старосты барака». Пытались помочь Фуксу и его бывшие коллеги из Бристольского университета, но безуспешно (Нэвилл Мотт направил письмо в министерство внутренней безопасности о том, что «глубоко сожалеет» по поводу интернирования талантливого немецкого ученого, но ответа не получил).

Лагерь для интернированных на острове Мэн просуществовал недолго. И хотя несколько тысяч интернированных безоружных людей на отдаленном острове в Ирландском море вряд ли представляли угрозу для безопасности Великобритании, страх перед «пятой колонной» оказался сильнее. Англичане решили перестраховаться и отправить всех «враждебных иностранцев» и военнопленных туда, где они уже наверняка не смогут причинить никакого вреда — в свои бывшие доминионы Австралию и Канаду.

3 июля 1940 года транспортное судно «Эттрик» с 1300 интернированными немецкими эмигрантами, в их числе Клаус Фукс и Ганс Келлерманн, 750 немецкими и 400 итальянскими военнопленными вышло из ливерпульского порта и взяло курс на Канаду. За три дня до этого другое судно с интернированными немцами на борту «Андорра стар» было торпедировано немецкой подлодкой и затонуло с тысячами людей на борту. Это был акт ничем не прикрытого вандализма по отношению к своим же соотечественникам, так как «Андорра стар» вышла в открытый океан под нацистским флагом со свастикой и командир фашистской субмарины было совершенно ясно, что на борту находятся немецкие военнопленные. «Эттрик» также имел флаг со свастикой, но услышав новость о страшной судьбе «Андорры стар», командир приказал повернуть в Ливерпуль, откуда корабль вышел на следующий день уже в сопровождении конвоя эскадренных миноносцев.

Лагерь для интернированных располагался в старых армейских складах в пригороде Квебека Шербрук, специально переоборудованных для этих целей. Все переоборудование заключалось в том, что всю территорию обнесли двумя рядами колючей проволоки и возвели несколько уродливых вышек по периметру. Интернированные немецкие эмигранты находились на положении

военнопленных, и лагерная администрация обращалась с ними соответственно этому статусу. Повседневные придирки, издевательства и унижение были нормой и образом жизни, которые выдерживал не каждый.

Лагерь в Шербруке собрал за колючей проволокой целое созвездие молодых талантов в самых различных областях, ставших впоследствии учеными мирового значения и Нобелевскими лауреатами. Был создан лагерный «университет», в котором Клаус Фукс начал читать лекции по физике, в основном, ученым в смежных областях.

По всеобщей оценке, его лекции были очень образными, наглядными и их хорошо посещали.

В Шербруке Клаус Фукс начал переписываться со своей сестрой Кристел, адрес которой нашел через американских квакеров, знавших его отца. Написав Клаусу ответное письмо, Кристел попросит вскоре брата своей университетской подруги, канадского ученого, профессора математики Кингстонского университета Израэля Гальперина связаться с ее братом и помочь ему по возможности. Гальперин запишет его имя в свою записную книжку, которая через шесть лет попадет в канадскую контрразведку. Но об этом позже.

К концу 1940 года британские страхи относительно неминуемой высадки немцев в Англии несколько поубавились и барометр общественных настроений вновь качнулся в пользу беженцев из Германии. Уже в конце июня Черчилль, выступая в парламенте, заметил, что «многие враждебные иностранцы ненавидят нацистский режим, и было бы большой несправедливостью относиться к нашим друзьям, как к врагам». В конце 1940 года около 20 тысяч интернированных немцев были выпущены на свободу так же неожиданно, как и были арестованы шесть месяцев назад. Черчилль начал понимать, что антинацистски настроенные немецкие эмигранты могут оказаться очень полезными в явной и тайной борьбе с Гитлером.

В декабре 1940 года все закончилось и для лагеря в Шербруке. Канадские власти и лагерная охрана вдруг стали чрезвычайно предупредительными и внимательными. Немецким эмигрантам разрешили остаться в Канаде или США, или же возвратиться в Англию. Подавляющее большинство коммунистов и левых социалистов решили вернуться в Англию, на передний, как они считали, фронт борьбы с фашизмом. Клаус Фукс, благодаря вмешательству Макса Борна, попал в первую партию из 287 бывших интернированных, направлявшихся в Англию. Отбыл 17 декабря из Галифакса на бельгийском судне «Гусвилль» в Ливерпуль, он уже в первых числах января нового 1941 года смог сам поблагодарить Макса Борна за большое участие в своей судьбе. Клаусу Фуку только исполнилось 29 лет. Он был в расцвете своих творческих сил и научного таланта.

Подключение Клауса Фука к сверхсекретным работам по созданию английского атомного оружия произошло при следующих обстоятельствах. В начале 1941 года Рудольф Пайерлс лишился Отто Фриша, которого перевели в Ливерпульскую исследовательскую группу профессора Чедвика, где он занялся исследованием нового загадочного элемента 94, или плутония, который оказался более делимым, чем уран-235 и, следовательно, более перспективным в качестве возможной ядерной взрывчатки. Встал вопрос о замене Фриша, и Пайерлс вспомнил о Клаусе Фуке, которого несколько раз встречал в Эдинбурге у Макса Борна и чьи работы он уже успел по достоинству оценить. Пайерлс вспоминал позже, что хотя Фукс не занимался до сих пор ядерными исследованиями, его ранние работы, написанные у Нэвилла Мотта и Макса Борна, обнаруживали такую гибкость и глубину математического анализа и научную интуицию, что он

решил, несмотря на ограничения военного времени, пригласить Клауса Фукса, который после возвращения из интернирования в Эдинбург продолжал формально оставаться «враждебным иностранцем», в свою лабораторию.

Связавшись с Максом Борном и Нэвиллом Моттом, Пайерлс получил самые лестные рекомендации молодому немецкому физику. Оставалось получить «clearance», то есть «допуск» у министерства авиационной промышленности, которое в ответ на просьбу Пайерлса разрешить ему привлечь к работе в Бирмингемской лаборатории Клауса Фукса запросило о нем контрразведывательную службу «МИ-5». В его досье к тому времени имелись два документа: письмо немецкого консула в Бристолье Хартли-Ходдера, датированное августом 1934 года, о том, что Фукс является коммунистом, и недавнее сообщение осведомителя «МИ-5» из числа немецких эмигрантов, подтверждающее эту информацию. Это уже было серьезно, так как коммунисты в то время, когда пакт Молотова — Риббентропа оставался еще в силе, были «подозрительными элементами» и потенциальными «саботерами» военных усилий Великобритании.

В конце концов, соображения практической целесообразности победили, и уже 10 мая 1941 года Пайерлс направил Фуксу официальное письмо с предложением принять участие в «одном военном проекте». Клаус Фукс, не подозревавший, что речь идет о сверхсекретной программе создания атомной бомбы против Гитлера, неизвестно как существовавший на нищенскую аспирантскую стипендию, после недолгих раздумий согласился. Позднее он вспоминал, что даже если бы он знал о том, чем ему придется заниматься, он все равно бы согласился на предложение Пайерлса. 23 мая он написал Нэвиллу Мотту в Бристоль, что переезжает вскоре в Бирмингем, а уже в июне, после получения долгожданного «допуска», он подписал официальное обязательство о соблюдении Закона о защите государственных секретов (Official Secrets Act). Кстати, «допуск», подписанный английской службой безопасности, был образчиком бюрократического недомыслия, так как предписывал Пайерлсу следить за тем, чтобы Фукс как можно меньше мог узнать об общем характере исследований. Создать математический аппарат, не зная физической природы исследуемых явлений, было абсурдом, и поэтому еще до получения формального «допуска» Фукс принял активное участие в «доводке» теоретической расчетной части доклада исследовательской группы Пайерлса о величине критической массы урана-235 и проблеме разделения изотопов природного урана. Одновременно он начал самостоятельные и очень важные исследования в области гидродинамики газодиффузионного процесса.

...С жильем в Бирмингеме было трудно, и Пайерлсы, незадолго до этого отправившие своих детей в США и чувствовавшие себя довольно одиноко в большом трехэтажном доме, любезно предложили Клаусу Фуксу переехать к ним. Он согласился, заняв ту самую комнату на втором этаже, где до него жил Отто Фриш. Как вспоминала потом леди Пайерлс — Евгения Николаевна Канегиссер, Клаус Фукс оказался очень необременительным и деликатным жильцом. Он отдал ей свою продуктовую карточку и завтракал, обедал и ужинал вместе с ними. Помогал чем мог по дому, а все свое свободное время проводил, как правило, у себя в комнате, которую убирал всегда сам и которую содержал в образцовом порядке. Евгения Николаевна часто подтрунивала над молчаливостью и неразговорчивостью Клауса Фукса, называя его «чело веко м-автоматом», в который вначале необходимо «бросить» вопрос, а уже только потом «получить» ответ. Преодолевая свою природную несловоохотливость, он рассказывал о своей

семье, своих студенческих годах в Германии и недавнем интернировании в Канаде. Хотя он никогда не говорил о том, что является коммунистом, своих левых симпатий не скрывал. В доме Пайерлсов он стал чем-то вроде члена семьи. В теплой, полной любви и взаимного уважения обстановке семьи Пайерлсов он, давно забывший, что такое семейный уют, начал «оттаивать». Оставаясь сдержанным и несколько замкнутым, он в то же время становился все более раскованным, непринужденным и непосредственным. Независимый в суждениях и действиях, привыкший всю жизнь полагаться только на себя и на свои собственные силы, Клаус Фукс, как вспоминала Евгения Николаевна Пайерлс, оказался удивительно непрактичным в жизненном плане. Своему мужу — типичному образчику рассеянного ученого, погруженного в науку и далекого от забот повседневной жизни, она покупала сама все, вплоть до рубашек и костюмов. Очень скоро она начала делать эти покупки на двоих. Клаус Фукс прожил в гостеприимном доме Пайерлсов более полутора лет. Контракт об аренде дома истек в конце 1942 года, и они, оставшись без детей, решили снять обычную городскую квартиру на одну семью. Фукс, привыкший к Пайерлсам, как к родным, тянул с переездом до последнего и поселился в конце концов неподалеку от их новой квартиры. Новый, 1943 год, вспоминала Евгения Николаевна, они встречали вместе в старом доме. Стол, включая напитки, по меркам военного времени был роскошный. После полуночи, когда все уже было съедено и выпито, ей чисто по-русски взгрустнулось и она начала петь русские песни. Неожиданно она заметила, как Клаус Фукс как-то необычно, по-новому, как никогда прежде, смотрит на нее. Его глаза, как ей показалось, выражали больше, чем восхищение, скорее, юношескую влюбленность, и она, еще не закончив песню, тут же решила про себя, что должна сделать все, чтобы эта влюбленность не переросла в нечто большее. Очень скоро они разъехались, оставаясь при этом друзьями и часто видя друг друга, и хотя Фукс в дальнейшем ни словом, ни намеком не проявлял своих любовных чувств, этот эпизод остался в памяти. Ту новогоднюю ночь в Бирмингеме она вспомнила гораздо позже, уже после его ареста, и тогда ей стало ясно, что это смешанное выражение удивления и восхищения в его взгляде относились не к ней, а к далекой великой стране, частичкой которой она была и с которой он вскоре свяжет свою судьбу...

Вспоминает вдова Клауса Фука — Грета Кейльсон-Фукс: «...думала ли я о нем все эти 26 лет до того июньского дня 1959 года, когда встретила его с цветами в аэропорту Шёнефельд? И да и нет. Мне это трудно сейчас объяснить. Моя встреча с ним в Париже была лишь эпизодом, не оставившим значительного следа в моей жизни. Просто приятное воспоминание о встрече с симпатичным, добрым, молчаливым и застенчивым человеком. Но странное дело, когда я иногда, действительно, иногда мимолетно вспоминала его (обычно это ассоциировалось с Парижем), мной овладевало щемящее чувство предчувствия чего-то. В эти мгновения мне начинало казаться, что я обязательно встречу этого человека и что он сыграет какую-то важную роль в моей судьбе. Это были какие-то мимолетные ощущения, которые тут же пропадали, чтобы возникнуть вновь, например, через год или даже позже...»

В мае 1941 года, после того как учеными была доказана теоретическая возможность создания атомного оружия, в Великобритании была создана первая в мире организация по производству ядерной взрывчатки, получившая кодовое название «Тьюб Эллойз». Руководителем проекта был назначен Дж. Андерсон, член британского военного кабинета. Руководящим и координирующим органом уранового проекта стал Департамент научных и промышленных исследований

(ДНПИ) во главе с его секретарем Эдвардом Эплтоном. Ему непосредственно подчинялся директорат «Тьюб Эллойз», возглавлявшийся представителями крупнейшей британской корпорации ИКИ (Imperial Chemical Industries) Уоллесом Экерсом и Майклом Перрином, человеком, который сыграет большую роль в судьбе Клауса Фукса. ИКИ стала главным промышленным подрядчиком проекта, так как рассчитывала получить приоритетное право на промышленное использование атомной энергии после войны. Директорат «Тьюб Эллойз», в свою очередь, руководил деятельностью четырех независимых исследовательских групп, включая Бирмингемскую во главе с Пайерлсом, и созданием опытных и промышленных производств на их базе.

Клаус Фукс, «самый ценный», по выражению Пайерлса, физик-теоретик Бирмингемской исследовательской группы, юридически продолжал оставаться «враждебным иностранцем» со всеми вытекающими отсюда ограничениями военного времени. Вновь, как и год назад, было затребовано досье с гестаповскими доносами, вновь английская контрразведка МИ-5 проверяла всю имеющуюся на него информацию, и вновь, на этот раз уже в лице секретаря ДНПИ Э. Эплтона, было решено, что вклад Клауса Фукса в создание атомного оружия может оказаться ценнее всяких других соображений, после чего все ограничения в отношении него были сняты. Он стал полноправным участником проекта «Тьюб Эллойз».

22 июня 1941 года Гитлер вероломно напал на Советский Союз. В декабре 1941 года, когда фашистские полчища вышли к Москве, многим в Англии казалось, что коричневую чуму уже не остановить ничем. Именно в это критическое для судеб мира время коммунист Клаус Фукс принимает твердое решение помочь нашей стране в борьбе с нацизмом.

Из неопубликованного интервью Клауса Фукса: «...после того как я начал работать над проблемами цепной нейтронно-урановой реакции, мне стало совершенно ясно, что эти исследования могут стать поворотным пунктом и революцией в современной технике. Окончательно убедившись в этом, я в конце 1941 года в один из своих первых приездов в Лондон связался с одним товарищем, который, как я предполагал, мог передать имевшуюся у меня информацию советским представителям. Я проинформировал его в самых общих чертах о характере имевшейся у меня информации и уехал в Бирмингем.

Когда я в следующий раз приезжал в Лондон, этот товарищ сообщил мне один лондонский адрес, куда я должен был прийти в определенное время. На первое время этот лондонский адрес стал моей явочной квартирой. Позднее был найден более конспиративный метод организации этих встреч: в определенное время я должен был встречаться с другим товарищем, на этот раз женщиной, причем каждый раз мы обговаривали и назначали новые места встреч, включая соответствующие опознавательные признаки...»

Вспоминает Юрген Кучински, в прошлом профессор кафедры политической экономики Берлинского университета, директор института экономики Академии наук ГДР:

«...вначале я связал его с одним товарищем из советского посольства, а затем, когда этот контакт в силу различных обстоятельств прервался, я связал его с «Соней». Таким образом, я дважды связывал его с советскими представителями. То, что он, обладая такой важной информацией, сам решил передать ее Советскому Союзу, показалось мне абсолютно правильным и необходимым в той ситуации. Я всегда считал Клауса Фукса не только настоящим коммунистом, но и замечательным человеком...» Кадрового советского разведчика, с которым Юрген

Кучински связал Клауса Фукса, звали Семен Давидович Кремер. «Соней» была сестра Юргена Кучински — Урсула Кучински, она же Рут Бертон, она же Рут Вернер, легендарная советская разведчица, соратница Рихарда Зорге, удостоенная за свои заслуги высоких правительственных наград, человек удивительной судьбы, в чьей беззаветной преданности Советскому Союзу в Москве убеждались не раз.

Из признания Клауса Фукса английской контрразведке, сделанного им 27 января 1950 года:

«...начиная с этого времени я поддерживал контакты с людьми, которые мне были абсолютно неизвестны и о которых я знал единственно то, что всю информацию, которую я им передавал, они передавали, в свою очередь, советским представителям. В это время у меня не было ни малейших сомнений в правильности советской внешней политики и я был уверен в том, что западные союзники сознательно способствуют тому, чтобы Советский Союз и Германия полностью истощили себя в смертельной схватке. Я не испытывал ни малейших колебаний, передавая советским представителям всю известную мне информацию, хотя я старался, по крайней мере, вначале, сообщать им только результаты моих собственных исследований...» Из секретного меморандума директора ФБР Эдгара Гувера специальному помощнику президента США контр-адмиралу Сиднею Сауэрсу относительно объема и характера технической информации, переданной английским ученым Клаусом Фуксом Советскому Союзу (направлен 2 марта 1950 года спецсвязью):

«...в соответствии со своим намерением передавать Советскому Союзу только результаты своих собственных работ Фукс передавал советскому агенту копии всех докладов, подготовленных им в Бирмингемском университете... Помимо копий документов, автором которых он был сам, Фукс действительно сообщил советскому агенту в общих чертах о научно-исследовательских работах в рамках программы «Тьюб Аллойз» в Великобритании и о создании небольшой экспериментальной станции по изучению процессов диффузии урана на базе одного из заводов министерства снабжения в Северном Уэльсе (объект «Долина»). Он сказал, что никакой проектно-конструкторской информации по этой экспериментальной станции и используемому на ней инженерному оборудованию он советским агентам не передавал. Кроме того, он сообщил русским, что аналогичные исследования проводятся также в Соединенных Штатах и что между двумя странами существует сотрудничество в этой области...»

США — ЛОС-АЛАМОС, 1943—1946 ГОДЫ

...Дальнейшую судьбу Клауса Фукса определило секретное письменное соглашение, подписанное президентом США Рузвельтом и премьер-министром Англии Черчиллем 19 августа 1943 года в канадском Квебеке, которое поставило финальную точку в объединении атомных усилий США и Англии.

К тому времени стало совершенно очевидным, что Великобритания, измотанная войной, бомбардировками, перед лицом казавшимся неминуемым немецким вторжением, не в состоянии одна, без помощи США, продолжать работы в области атомной бомбы. Рузвельт и Черчилль пришли к следующему соглашению: большие атомные реакторы и промышленные установки необходимо строить в США, а английские ученые примут участие в работе по

созданию бомбы и будут предоставлять американцам результаты своих исследований. Великобритания рассчитывала на равноправное сотрудничество, но действительность очень скоро разрушила эти планы. «Обмен информацией» по-американски стал «улицей с односторонним движением».

Доклады Бирмингемской исследовательской группы принимали в США с особенным удовлетворением — англичане были явно впереди в разработке газодиффузионного способа разделения изотопов урана. Оказалось также, что работы Клауса Фукса в этой области настолько хорошо известны в США, что проектанты комплекса вызвались посетить Бирмингем специально для того, чтобы обсудить с ним отдельные детали проекта. Вместо этого руководитель американского атомного проекта Оппенгеймер решил пригласить Пайерлса, Фриша, Фукса и ряд других английских ученых в США для участия в различных проектах атомной программы. Квебекское соглашение начинало обретать реальные очертания.

...Дав согласие на поездку в США, Клаус Фукс тут же проинформировал об этом «Соню». «Соня», быстро связавшись с Москвой, на очередной встрече передала ему следующие инструкции: его американским контактом станет человек по имени «Раймонд», встреча с которым произойдет в Нью-Йорке в первую субботу февраля 1944 года в восемь часов вечера на углу Истсайд и Генри-стрит в Манхэттене, опознавательным признаком «Раймонда» станет пара перчаток в одной руке и книга в зеленом переплете — в другой. «Раймонд» сам узнает Фукса по словесному описанию и опознавательному признаку — теннисному мячу в левой руке. Оpozнав Фукса, «Раймонд» должен будет произнести условную фразу: «Вы не скажете, как мне пройти на Центральный вокзал?» Если встреча в указанный день по каким-либо причинам не состоится, то она переносится на следующую субботу в этом же самом месте и в это же время до тех пор, пока не произойдет контакт...

Свой визовой формуляр Фукс заполнил 18 ноября 1943 года, а уже через четыре дня была получена въездная виза в США. В графе «профессия» он написал «государственный служащий», целью поездки было «официальное задание министерства научных и промышленных исследований Великобритании». 28 ноября 1943 года от причала Ливерпульского порта отошел американский пассажирский корабль «Андес» с тридцатью английскими учеными на борту (часть из них, включая Пайерлса, взяла с собой семьи) и взял курс на запад. Нынешнее путешествие в Нью-Йорк и Свет решительно отличалось от того, который проделал «враждебный иностранец» Клаус Фукс три с половиной года назад в грязном переполненном трюме «Эттрика».

3 декабря 1943 года «Андес» бросил якорь в порту Норфолк, штат Вирджиния (несколькими днями позже в Норфолк под именем Николаса Бейкера прибыл знаменитый датский физик Нильс Бор, которого тайно вывезли из оккупированной Дании в Швецию, оттуда на военном самолете в Англию, а затем уже морским путем в США, где великий ученый первым в мире начнет неравную борьбу с сильными мира сего против распространения атомного оружия). После недолгих формальностей всем прибывшим выдали «подъемные» и отправили основную часть группы, включая Рудольфа Пайерлса и Клауса Фукса, в Нью-Йорк, где должна была располагаться британская научная миссия. Отто Фриш отправился куда-то на юго-запад, на какой-то секретный объект «У». Встречавшие их американские официальные лица сразу же предупредили, что работы по созданию атомной бомбы носят сугубо секретный характер и что лишних вопросов задавать не следует. К тому времени, когда Пайерлс, Фриш,

Фукс и другие британские ученые прибыли в США, работы по созданию американского ядерного оружия уже велись широким фронтом. Летом 1942 года проект был передан армии, и уже 13 августа того же года был учрежден так называемый «Манхэттенский инженерный округ», которому предстояло осуществить громадный объем организационных мероприятий, исследовательских и промышленных работ по созданию атомной бомбы. Щедро финансируемый правительством при поддержке крупнейших финансовых групп Моргана, Дюпона, Рокфеллера, Мелона, он рос, как на дрожжах, превратившись к приезду британской научной миссии в огромный научно-промышленный комплекс со всеми кадрами ученых, лабораториями, промышленными установками и даже собственной контрразведкой.

Научное руководство «Манхэттенским проектом» осуществлял профессор Калифорнийского университета Роберт Оппенгеймер, впоследствии названный «отцом» атомной бомбы, чья судьба в послевоенной Америке сложится трагично. Роберт Оппенгеймер руководил работой Лос-аламосской научной лаборатории, того самого таинственного объекта «У», куда направился Отто Фриш, где группа выдающихся ученых разных национальностей напряженно работала над решением научных и технических проблем, связанных с осуществлением взрывной цепной реакции деления ядер урана. Военным руководителем проекта был назначен 46-летний бригадный генерал инженерных войск Лесли Гроувс. Не имевший ничего общего с наукой, и тем более с ядерной физикой, он хорошо разбирался в строительных работах, промышленных, производственных, организационных и финансовых вопросах.

Работа над созданием атомной бомбы в США с самого начала проходила в обстановке абсолютной секретности. Очень немногие в США знали о том, что скрывается за кодовым названием «Манхэттенский проект». Даже вице-президент Трумэн был поставлен в известность о ведущихся работах по созданию оружия только в день приведения его к присяге в качестве главы государства после смерти Рузвельта. Каждая операция в общем цикле работ была построена на принципе изолированности. Каждый работник проекта знал только те детали проекта, которые касались непосредственно его работы. Уровень секретности «Манхэттенского проекта» был настолько велик, что о проводимых работах в полном объеме знал едва ли десяток человек из нескольких тысяч, принимавших в нем участие!

В Нью-Йорке Клаус Фукс, как и большинство других членов британской миссии, поселился в «Тафт-отеле» на площади Таймз-сквэр, а затем переехал в комфортабельный и элегантный отель «Барбизон Плаза» с чудесным видом на Центральный парк. Прожив там два месяца и вдоволь насладившись казавшейся роскошной по сравнению с британским карточным голодом жизнью и с удивлением обнаружив, что «подъемные» тают, как мартовский снег, Клаус Фукс снял вместе с одним сотрудником британской миссии (позднее он уехал в Англию) меблированную квартиру на 77-й улице⁴.

⁴ Квартира Клауса Фукса располагалась неподалеку от «Хэмпшир-хауз» — штаб-квартиры английского разведывательного центра в США, известного под названием Английской службы координации безопасности (АСКБ), которой руководил Уильям Сэмюэль Стеффенсон. К Клаусу Фуксу, как и к другим членам британской миссии, эта служба имела самое прямое отношение, — англичане, почувствовав, что «старший брат» намерен только брать, вовсе не помышляя о равноправном информационном обмене, поручили службе Стеффенсона сбор информации по атомному проекту. Осуществлялось это достаточно просто: все члены британской миссии негласно и в тайне от американцев регулярно готовили «отчеты», каждый в своей области, в которых отражали не только свою работу, но и все, что им стало известно о тех или иных исследованиях

Как и было обусловлено заранее, Клаус Фукс занялся дальнейшей разработкой математического аппарата газодиффузионного процесса и решением конкретных технологических проблем строящегося комплекса в Оук Ридже, местонахождение которого тщательно скрывалось от британской научной миссии и куда его так ни разу не допустили. Исследовательская база находилась в Колумбийском университете и финансировалась «Келлекс корпорейшн».

...Рождественские праздники 1943 года он провел в пригороде Бостона Кембридже в семье своей сестры Кристель Хейнеман, которую он не видел уже семь лет. Встреча выдалась и радостной и грустной одновременно. Семейная жизнь самой «благополучной» из всех Фуков Кристель складывалась, по ее словам, совсем неблагоприятно, атмосфера в доме была напряженной, она даже подумывала уйти от мужа и жить с детьми отдельно. Слушать это, сознавая, что нацизм и во йна безжалостно разбросали по разным уголкам света дружную и счастливую когда-то семью, было вдвойне грустно. От отца окольными путями доходили скудные вести: жив, не сломлен тюрьмой и гибелью дочери, воспитывает внука Клауса. Брат Герхард, неизлечимо больной туберкулезом, по-прежнему жил в Швейцарии. Оставшись вдвоем, брат и сестра долго вспоминали прошлое, которое в человеческой памяти всегда светлее и лучше, чем тогда, когда оно было настоящим. Кристель призналась, что впервые за много лет говорит на родном языке. Клаус уехал в Нью-Йорк со смешанным чувством радости и тревоги за сестру...

В январе 1944 года имя Клауса Фука было упомянуто в общем списке британских ученых, которым давалось разрешение на посещение «различных исследовательских центров» «Манхэттенского проекта» без необходимого в таких случаях специального разового разрешения, выдаваемого военной контрразведкой. Но ему было запрещено посещение без специального разрешения «закрытых» исследовательских центров и комплексов и допуск к секретной документации в ходе этих посещений. Он никогда не был ни на объекте «Х» в Оук Ридже, ни в ядерном комплексе в Хэнфорде, где добывался другой делящийся материал — новый элемент «плутоний»... К этому времени большая часть английских ученых возвратилась в Великобританию, в США из Бирмингемской группы остались, по настоянию американцев, только те, кто представлял наибольшую ценность для «Манхэттенского проекта»: Рудольф Пайерлс, Клаус Фукс и молодой английский физик Тони Скимр.

...В субботу 4 февраля 1944 года Клаус Фукс, как было условлено, стоял на углу Истсайд и Генри-стрит с теннисным мячом в руках, выглядевшим несколько диковинно в этот холодный февральский вечер. Все дальнейшее произошло так, как объясняла «Соня»: из многочисленной толпы, стоявшей у входа в кинотеатр, отделился полноватый, низкорослый, плотного сложения, средних лет мужчина с резкими чертами на крупном, несколько одутловатом лице и выразительными черными глазами, спрятанными за толстыми диоптриями очков в роговой оправе, с парой кожаных перчаток в одной руке и книгой в зеленом переплете — в другой. Он произнес слова пароля и, дождавшись ответной фразы, сделал паузу. «Раймонд?», — спросил Клаус Фукс и, увидев утвердительный кивок незнакомца, назвал себя: «Я — доктор Фукс». Так судьба свела Клауса Фука с Гарри Голдом, родившимся в Америке сыном эмигранта из России Ефима Голодницкого, который сыграет фатальную роль в его жизни. Фукс коротко

или практических разработках в рамках «Манхэттенского проекта». Служба Стеффенсона ненавязчиво руководила этим процессом, регулярно направляя в Лондон сводные отчеты.— *Прим. авт.*

проинформировал «Раймонда» (только под этим именем он будет знать этого человека) о работах по созданию атомного оружия и своем участии в этом проекте. Они договорились о следующих встречах (каждый раз на новом месте) и обсудили запасные варианты на случай непредвиденного срыва очередной встречи. Через 20 минут они разошлись, договорившись встретиться в очередной раз в марте на углу 59-й стрит и Лексингтон-авеню. Всего с февраля по июль 1944 года Клаус Фукс встретится со своим американским связником пять раз, после чего связь будет прервана...

Из секретного меморандума Гувера Сауэрсу: «...в этот период времени (декабрь 1943 — август 1944 года.— *Прим. авт.*) Клаус Фукс знал основные направления американской программы ядерных исследований и приблизительные сроки ее реализации. К этому времени от своего первоначально го намерения сообщать русским только результаты собственных исследований он уже отказался и передал им известную ему техническую информацию о газодиффузионном заводе в объекте «Х». В частности, он передал информацию общего характера о мембранах, используемых в газодиффузионном процессе, и сообщил их композиционный состав — синтезированный никелевый порошок, но не мог ничего сообщить об инженерно-технических деталях этого проекта, так как не располагал этой информацией. Его главным информационным вкладом в сотрудничество с русскими в этот период времени стала передача им копий всех докладов, подготовленных нью-йоркским офисом британской научной миссии. ...По его словам, в течение всего этого периода по сле встреч с нью-йоркским агентом у него создалось впечатление, что хотя русские и проявляли большой общий интерес к американскому атомному проекту, понимая его важность и военную значимость, но каких-либо серьезных разработок в этой области не вели...»

После того как летом 1944 года промышленная установка в Оук Ридже по производству металлического урана была пущена в действие, встал вопрос, что делать с нью-йоркской группой британских ученых во главе с Рудольфом Пайерлсом. Отпускать в Великобританию блестящих, прекрасно зарекомендовавших себя английских ученых, знакомых к тому же с общими технологическими основами конструкции атомной бомбы, американцам явно не хотелось. Поступило предложение принять участие в «интересной» работе на «одном объекте» на юге страны. На сборы дали буквально несколько дней, и уже 14 августа 1944 года Клаус Фукс стал обитателем комнаты № 17 в сером армейском бараке под громким названием «общезитие Т-102», окруженном такими же серыми невзрачными строениями посреди изумительной красоты ландшафта, как будто взятого из американских вестернов. Это была Лос-Аламосская лаборатория — сверхсекретный объект «Х», которой по воле судьбы уготовано было стать колыбелью первой атомной бомбы.

...Отъезд Клауса Фукса в Лос-Аламос стал для него событием неожиданным и незапланированным, и поэтому выйти на очередную встречу с «Раймондом» он не смог. Не вышел он и на запасную встречу. На Фукса, обычно пунктуального и точного, это было не похоже. Посоветовавшись, Голд решил навестить его по домашнему адресу и выяснить на месте, что произошло. Для посещения квартиры Фукса нужен был предлог, и Голд его нашел, проявив, признав, незаурядную смекалку и выдумку. В книжном киоске он купил книгу Томаса Манна и вписал своей рукой на первой странице его фамилию, инициалы и полный нью-йоркский адрес. Найдя дом и квартиру Фукса, он долго и безрезультатно звонил в дверь. Затем он спустился к консьержке и, показав ей книгу с фамилией и адресом,

объяснил, что должен отдать ее своему знакомому, которому она принадлежит. Консьержка ответила, что иностранец под этой фамилией здесь более не живет, а куда уехал — неизвестно. Связь была потеряна. Было решено восстановить ее через сестру Клауса Фукса Кристель Хейнеман, адрес которой был известен. В один из сентябрьских воскресных дней 1944 года Голд выехал на автобусе в Бостон, взял в городе такси и поехал по известному ему адресу в пригород Бостона Кембридж. Дверь открыла женщина, по виду похожая на экономку-служанку, которая сказала ему, что супруги Хейнеман находятся в отпуске и вернутся не раньше середины октября. Голд выехал вновь в Бостон в ноябре, на этот раз в будний день, с тем чтобы не застать дома мужа Кристель Роберта Хейнемана. На этот раз дверь открыла она. Голд назвал себя хорошим другом ее брата, который случайно оказался в Бостоне по делам и решил зайти к ним справиться, как дела у Клауса. Фукс якобы сам дал ему этот адрес на всякий случай. Кристель сказала, что ожидает брата к рождественским праздникам. Голд попросил передать Фуксу письмо, когда тот приедет, и передал Кристель плотно запечатанный конверт. В нем находился обыкновенный лист бумаги с напечатанным на машинке лаконичным предложением в любой из дней по приезду к сестре позвонить между восьмью и восьмью тридцатью утра по указанному телефону и сообщить одну-единственную фразу: «Я приехал в Кембридж и буду здесь столько-то дней». Это был риск, но другого выхода не было...

Клаус Фукс стал сотрудником группы «Т-1» («Термодинамика имплозивных процессов») отдела теоретической физики, которой руководил известный немецкий физик Ганс Бете, друг Рудольфа Пайерлса еще по Мюнхенскому университету. Он, собственно, и способствовал тому, чтобы Пайерлсу предложили работу в Лос-Аламосе. Когда встал вопрос о Фуксе, то Бете с удовольствием разрешил взять его с собой. Он помнил его еще по Бристольскому университету, где в 1934 году некоторое время работал, бежав из нацистской Германии. В его памяти он остался «очень талантливым, спокойным и скромным» молодым ученым, и Бете вскоре сам убедился в выдающихся способностях физика-теоретика Клауса Фукса.

Из неопубликованного интервью Клауса Фукса: «...два года, проведенные мной в Лос-Аламосской лаборатории, не изглаживаются из моей памяти. Мне выпало счастье работать рука об руку с выдающимися учеными нашего столетия, чьи имена стали уже почти легендарными: Н. Бором, Э. Ферми, Г. Бете, Р. Фейнманом, Э. Сегре, Дж. Чэдвиком, Р. Пайерлсом, О. Фришем и другими. И в научном, и в человеческом смысле это был, пожалуй, кульминационный пункт не только моей жизни, но и многих других ученых, ставших впоследствии Нобелевскими лауреатами и основателями целых научных направлений. Для меня Лос-Аламос стал уникальной научной и человеческой школой.

Ядерная физика была в ту пору молодой наукой. Средний возраст всех работавших в Лос-Аламосе был около 25 лет, и вы можете себе представить, каким удивительно задорным и дерзким, в научном, разумеется, смысле, был этот коллектив. Тон, разумеется, задавали маститые ученые с именами, а некоторые уже и с нобелевскими титулами. Но и мы, молодое поколение, старались не отставать ни в чем. И по возрасту, и по научным заслугам я, разумеется, принадлежал к самому молодому поколению физиков, признанными лидерами среди которых (и я очень не хочу, чтобы мои слова расценили как нескромность) были Ричард Фейнман и Клаус Фукс...»

Хотя Лос-Аламосская лаборатория была замкнутой и изолированной от внешнего мира общиной, уровень секретности в ней был все же ниже, чем, например, в Оук Ридже или Хэнфорде. Тем не менее все лаборатории были окружены оградой и охрана пропускала туда лиц, имевших специальное разрешение. Еще одна ограда окружала весь городок. При выходе и входе проводилась проверка. На любые поездки за пределы Лос-Аламоса требовалось специальное разрешение. Если семья ученого получала разрешение на проживание в Лос-Аламосе, она уже больше не могла покинуть его. Само существование лаборатории было тайной, и поэтому вся почтовая корреспонденция должна была направляться по следующему адресу: «Служба инженерных войск вооруженных сил США. Почтовый ящик 1663. Санта-Фе. Нью-Мексико». Вся она перлюстрировалась еще более тщательно, чем на других объектах «Манхэттенского проекта».

До Пайерлса работой группы «Т-1» руководил достаточно известный в то время в США физик Эдвард Теллер, ставший впоследствии «отцом» водородной бомбы, в основе которой лежат термоядерные реакции синтеза легких элементов в более тяжелые. Теоретический прорыв в этой области произошел летом 1944 года, когда Теллеру пришла в голову мысль использовать в качестве «зажигания» для термоядерных реакций синтеза атомный детонатор — небольшой атомный заряд, взрыв которого в сердцевине «супербомбы» создаст необходимую для этих реакций температуру. С этого момента Теллер начал считать свою работу приоритетной и требовать от Оппенгеймера и Бете большей поддержки своим исследованиям. Хотя бомбы, основанные на реакции деления урана и плутония, казались более реальными и достижимыми, Теллеру и его группе не только разрешили работать над своим проектом, но и даже освободили от участия в теоретических разработках плутониевой бомбы. Это событие совпало по времени с приездом Пайерлса и Фукса, которым, в связи с уходом Теллера, предложили заняться термодинамикой имплозивных процессов.

Поразительно, но Теллеру, который редко когда кому симпатизировал, Клаус Фукс нравился. Он считал его «очень способным» физиком, а в устах Теллера это было, пожалуй, наивысшей похвалой, так как равными себе он признавал буквально трех-четыре современных ученых-физиков. Позднее, уже после окончания войны, Клаус Фукс во время своих коротких поездок в Соединенные Штаты несколько раз встречался с Теллером и как-то провел в их доме целый вечер. Так неисповедимо сошлись жизненные пути двух ученых, оказавшихся к концу жизни на самых разных политических общественных и нравственных полюсах.

Из неопубликованного интервью Клауса Фукса: «...в конце 1944 года я начал заниматься теоретическими расчетами величины необходимой массы плутониевого ядерного горючего и разработкой метода имплозии (взрыва, сходящего внутрь) для перевода заряда в надкритическое состояние. Моей задачей как раз стала разработка математического аппарата, способного объяснить возникавшие в ходе экспериментальной фазы исследований колебания, нарушавшие одновременное протекание имплозивного эффекта, в результате чего запал в самом центре плутониевой бомбы взрывался слишком быстро и ядерного взрыва всей надкритической массы плутония не происходило. Этой проблемой, оказавшейся исключительно сложной как в техническом, так и в теоретическом плане, я занимался вплоть до Аламогордо. И разумеется, я подробно проинформировал советских товарищей о том, как технически была решена эта задача и на какой теоретической базе...»

...В декабре 1944 года Клаус Фукс написал своей сестре Кристель письмо, в котором лаконично сообщал, что приехать на рождественские праздники не сможет. Причину он не сообщал, так как она не знала ни где он, ни чем занимается. Ему удалось вырваться в Бостон ненадолго лишь через два месяца, в феврале 1945 года. Кристель рассказала ему о визите незнакомого друга в ноябре и передала ему плотно запечатанный конверт. Фукс позвонил по указанному номеру, и уже через два дня Гарри Голд стоял на пороге дома Хейнеманов. Кристель позвала брата. Обменявшись приветствиями, мужчины уединились в одной из свободных комнат. Клаус Фукс кратко проинформировал о Лос-Аламосской лаборатории и предложил встретиться через два дня в Бостоне, пообещав подготовить к этому времени подробный письменный отчет. Встретившись с «Раймондом» в указанное время, он передал ему объемистый пакет и договорился о новой встрече, на этот раз в Санта-Фе. По его словам, работы в Лос-Аламосе вступали в свою кульминационную фазу, и поэтому выехать куда-либо за пределы штата Нью-Мексико в ближайшие полгода он не сможет. Голд предложил июнь, так как это совпадало с его отпуском. Фукс показал ему специально привезенную с собой карту Санта-Фе и указал на ней место встречи. Связь была восстановлена... Из секретного меморандума Гувера Сауэрсу: «...во время своего первого контакта с русским агентом после переезда в Лос-Аламос, который состоялся в феврале 1945 года в Бостоне, штат Массачусетс, Фукс подготовил обобщенный доклад, в котором суммировал все известное ему о создании атомной бомбы и то, как он представлял себе эту проблему. В этом докладе в специальном разделе говорилось о трудностях на пути к созданию плутониевой бомбы, включая высокий уровень спонтанной делимости плутония и связанную с ней необходимость использования метода имплозии для перевода плутониевого заряда в надкритическую массу.

Он передал расчеты величины критической массы плутония и сообщил русским также о том, что центральной проблемой на пути к созданию плутониевой бомбы был выбор метода имплозии с целью создания необходимого однородного высокого давления внутри бомбы: либо с помощью системы специальных сильновзрывчатых «линз», либо путем одновременного взрыва однородной сферы, составленной из мощного взрывчатого вещества.

Он сообщил об имевшихся на тот период времени идеях конструкции запального устройства, хотя эти идеи, по его собственной оценке, носили очень неопределенный характер. В момент написания своего доклада в феврале 1945 года, в разделе о конструктивных принципах плутониевого заряда он сообщил только об идее полый плутониевой сердцевины ядерного устройства, так как не знал тогда ничего об идее цельнометаллического плутониевого заряда...»

Вернувшись в Лос-Аламос, Клаус Фукс вновь с головой ушел в работу. К началу 1945 года математический аппарат термодинамического эффекта имплозии во многом благодаря усилиям Клауса Фукса был в основном создан. Однако первые экспериментальные исследования в этой области оказались неудачными. Положение спас известный американский химик русского происхождения Джордж Кистяковский — Георгий Богданович Кистяковский. В конце марта на очередном семинаре у Оппенгеймера Джордж Кистяковский доложил о завершении экспериментальных исследований в области имплозии и готовности объекта «Х» приступить к сборке опытного образца плутониевой бомбы, отметив решающую роль Клауса Фукса на теоретическом уровне.

В этом же месяце Клаус Фукс посетил несколько других семинаров, на одном из которых был отмечен его вклад в создание математического аппарата подсчета

мощности и поражающей силы атомной бомбы с учетом различных вариативных факторов. Благодаря этим семинарам, Клаус Фукс, как и некоторые другие члены британской миссии, имел хорошее представление о результатах работы всех лабораторий Лос-Аламосского исследовательского центра. В кулуарах он впервые услышал рассуждения некоторых военных руководителей проекта о «конечной доставке изделия» (так эвфемически называли будущую атомную бомбардировку). Чем реальнее становилась атомная бомба, тем настойчивее раздавались эти голоса и тем большая тревога поселялась в сердцах ученых. Тем не менее интернациональная по составу группа выдающихся ученых-физиков продолжала напряженно работать, полагаясь на государственную мудрость президента Рузвельта. Но 12 апреля 1945 года его не стало.

4 июня 1945 года Клаус Фукс присутствовал на расширенном заседании координационного совета Лос-Аламосского научного центра под председательством Оппенгеймера. Кроме ученых, на заседании присутствовали представители военного министерства, госдепартамента и Белого дома. Энрике Ферми доложил о готовности всех лабораторий Центра к предстоящему испытанию плутониевого устройства под кодовым названием «Тринити» на полигоне в Аламогордо. До испытания оставалось немногим более месяца, и военное руководство «Манхэттенского проекта» потребовало от ведущей группы разработчиков «Толстяка» — такое кодовое название дали плутониевой бомбе — максимальной отдачи и напряжения сил.

Через несколько дней после заседания координационного совета Клаус Фукс, отпросившись под благовидным предлогом у Пайерлса и поставив в известность службу безопасности, гнал свой выдавший виды «Бьюик» по пустынной, полной дикого очарования дороге от Лос-Аламоса до Санта-Фе. Он, никогда в своей жизни не опаздывавший и обладавший феноменальной памятью на даты и адреса, на этот раз опаздывал, выжимая из своего автомобиля все его лошадиные силы. Он опоздал на двадцать минут, издали увидев из окна машины приземистую фигуру «Раймонда», терпеливо ожидавшего на лавочке в тени платановой аллеи на немногочисленной в это время дня набережной Рио-Гранде.

Из секретного меморандума Гувера Сауэрсу: «...в июне 1945 года в Санта-Фе Клаус Фукс передал русскому агенту детальный доклад, который заранее подготовил в Лос-Аламосе, имея доступ ко всем соответствующим документам и проверяя на месте правильность проводимых им расчетов и формул.

Этот второй доклад содержал полное физико-математическое описание плутониевой бомбы, которую предполагалось испытать на полигоне «Тринити». Он передал русским также чертеж бомбы и ее отдельных компонентов и сообщил все наиболее важные ее параметры. Он сообщил также, что плутониевое ядерное устройство будет иметь цельнометаллический плутониевый заряд, и дал техническое описание инициатора, включая мощность нейтронного компонента, тампера, алюминиевой оболочки и системы имплозивных «линз»...

...Он сообщил русскому агенту, что расчетная эквивалентная мощность плутониевого ядерного устройства на полигоне «Тринити» должна составить около 10 килотонн тринитротолуола, и назвал предполагаемую дату испытания и приблизительное местонахождение полигона...»

Фукс рассказал также Голду, что вся Лос-Аламосская лаборатория работает с нечеловеческим напряжением сил, стараясь успеть к запланированной дате испытания — 16 июля, и что Соединенные Штаты твердо намерены использовать оба ядерных устройства, урановое и плутониевое, для окончательной победы над Японией. Они расстались, договорившись встретиться в Санта-Фе 19 сентября.

Об атомной бомбардировке Хиросимы в отгороженном, казалось, от всего мира Лос-Аламосе узнали из заявления президента Трумэна. Оно вызвало смешанную и неоднозначную реакцию: одни, как, например, Теллер, открыто радовались, другие испытывали чувство стыда и ужаса за содеянное. 9 августа была дотла сожжена Нагасаки, и в тот же день президент Трумэн по радио, обращаясь ко всей нации, благодарил Бога за то, что атомная бомба появилась у США раньше, чем у их противников, и молил всевышнего о том, чтобы он указал американцам, как использовать ее по его воле и для достижения его цели.

...19 сентября 1945 года, как было заранее обусловлено, неподалеку от небольшой испанской постройки католической церквушки на окраине Санта-Фе Клаус Фукс в последний раз в своей жизни встретился с «Раймондом». Он выглядел встревоженным и озабоченным. Атомная бомбардировка Японии, по его словам, ясно показала, что милитаристские круги Соединенных Штатов не остановятся ни перед чем в достижении мирового господства на основе монопольного владения ядерным оружием. Суммарная производительность американских обогатительных установок и промышленных реакторов (100 кг урана-235 и 20 кг плутония в месяц) свидетельствовала о том, что США, несмотря на поражение Японии, продолжают накапливать ядерную взрывчатку. Он рассказал «Раймонду» о собственных ощущениях во время экспериментального взрыва в Аламогордо, добавив, что только тогда он смог осознать чудовищный характер нового оружия. Клаус Фукс сказал также, что не знает, как долго еще пробудет в Лос-Аламосе, но, вероятнее всего, выедет с основной группой британской миссии в октябре — ноябре 1945 года. Голд сообщил ему условия восстановления контакта с советской разведкой в Лондоне. Они расстались, казалось, навсегда...

Из секретного меморандума Гувера Сауэрсу:

«...во время последней встречи с русским агентом осенью 1945 года Клаус Фукс передал ему некоторую информацию о «дельта-фазе» плутония и «вероятно», по его словам, упомянул о возможности использования галлия в качестве компонента сплава... Он сообщил также некоторую общую информацию возможности создания так называемой «смешанной бомбы», подчеркнув при этом перспективный для Соединенных Штатов характер этой идеи, учитывая то обстоятельство, что здесь уже было развернуто промышленное производство как плутония, так и урана-235, и они, таким образом, могли использовать в качестве ядерной взрывчатки оба эти материала...

...Русский агент, с которым он поддерживал контакт во время пребывания в США (как в Нью-Йорке, так и в Лос-Аламосе), был более технически подготовлен, чем тот, с кем он встречался ранее в Англии. И хотя, по мнению Фукса, этот человек был инженером или, скорее, инженером-химиком, какими-либо глубокими знаниями в области ядерной физики и математики он не обладал...»

Осенью 1945 года большая часть ученых Лос-Аламоса начала покидать некогда таинственный объект «У» с тем, чтобы вернуться к нормальной гражданской жизни. В октябре 1945 года Роберт Оппенгеймер покинул пост директора Лос-Аламосской лаборатории и возглавил Институт перспективных исследований в Принстоне, уступив свое место Норрису Брэдбери. По просьбе нового директора Клаус Фукс остался для дальнейшей разработки универсального математического аппарата подсчета мощности ядерных зарядов с учетом различных вариативных факторов и принял участие в работе над так называемой «Лос-Аламосской Энциклопедией» — сводным научным отчетом о создании

атомной бомбы.

Начали собираться домой члены британской научной миссии. По этому поводу был устроен грандиозный прощальный вечер, кульминационным пунктом которого стала забавная самодеятельная пьеса в жанре пантомимы «Детки в лесу», в которой британские ученые были изображены в образе заблудившихся в лесу детей, а вездесущие охранники — в образе злых ведьм. Отто Фриш изображал местную индианку, работавшую в столовой. Вечер удался на славу, развеяв предупреждение насчет природной британской сдержанности и чопорности. Прощание было и радостным и грустным одновременно.

20 ноября 1945 года Клаус Фукс получил, наконец, заслуженный отпуск и в тот же день вылетел в Монреаль с главным научным советником британского правительства сэром Джоном Кокрофтом, который предложил ему возглавить отдел теоретической физики в строящемся Центре ядерных исследований в Харвелле. Первоначально он планировал возвратиться в Англию в феврале 1946 года, но по просьбе американцев его отъезд был задержан до июня. Военное министерство США в это время планировало провести серию экспериментальных ядерных взрывов на островах Бикини в предполагаемых операциях по уничтожению надводных боевых целей. «Что касается доктора Фукса,— писал новый руководитель Лос-аламосского научного центра в официальном запросе на имя руководителя британской научной миссии Чэдвика,— то мы заинтересованы в его услугах, по меньшей мере, до завершения военно-морских испытаний».

В апреле 1946 года Клаус Фукс присутствовал на семинаре Эдварда Теллера по проблемам термоядерного оружия. Он также посетил несколько семинаров по проблемам будущего ядерной энергетики и мерам защиты от радиации. Перед отъездом он подписал Британский меморандум в пользу международного контроля над атомной энергией и свободного обмена научной информацией (это «крамольное» во всех отношениях деяние как-то странно прошло мимо внимания ФБР, тем более что американцы в то время разработали свой проект, подлинная цель которого состояла не в том, чтобы запретить и уничтожить ядерное оружие, а в том, чтобы обеспечить США гегемонию во всех областях атомной науки и техники.— *Прим. авт.*). Клаус Фукс окончательно покинул Лос-Аламос 14 июня 1946 года, выехав вначале в Вашингтон к Чэдвику, где составил подробный отчет о своей работе в Лос-Аламосе за последние месяцы, затем посетил Ганса Бете в Корнельском университете по его просьбе, а перед отъездом заехал в Кембридж к Кристель Хейнеман. Он вылетел в Лондон из Монреаля на военно-транспортном самолете британских ВВС. ФБР было уведомлено об этом 2 июля меморандумом, направленным подполковником военного министерства Ч. Бэнксом ведомству Гувера.

АНГЛИЯ 1946—1950 ГОДЫ: ВРЕМЯ ИСПЫТАНИИ

После возвращения в Великобританию Клаус Фукс вновь оказался вовлеченным в атомную программу, третью по счету. Толчком для развертывания работ по созданию собственной английской атомной бомбы стал принятый 1 августа 1946 года (по иронии судьбы именно в этот день Клаус Фукс стал заведующим отделом теоретической физики в Харвелле) так называемый «Акт Макмагона», запрещающий администрации США сотрудничество с другими странами в ядерной области, включая обмен информацией и передачу технологии, и усиливавший меры безопасности по охране атомных секретов. Никаких исключений сделано не было, и, таким образом, Англия оказалась исключенной

из такого сотрудничества. Это было сильным морально-политическим ударом по британскому самолюбию и престижу. Так американцы отблагодарили Англию за помощь в создании атомной бомбы.

Именно тогда, в атмосфере обиды и разочарования, вызванного беспардонным неуважением старшего партнера, возникла идея о создании собственного ядерного оружия. Атомная бомба должна была стать не только символом военной мощи и независимости, но и способом поднятия престижа Англии в отношении США.

Английское правительство приняло окончательное решение о производстве атомного оружия летом 1947 года, когда англо-американское сотрудничество в атомной области полностью прекратилось. Сама разработка нового оружия велась в условиях строжайшей секретности. Все дискуссии в прессе по этой проблематике регулировались специальной системой, так называемой «Индекс Д», которая запрещала публикацию или публичные дебаты по всем во всем, относящимся к этой программе, включая исследовательские работы, задействованные научные силы, местонахождение производственной и экспериментальной базы и используемые сырьевые ресурсы. Указанные сведения объявлялись государственной тайной и охранялись законом о защите государственных секретов. Финансирование проекта осуществлялось по замаскированным статьям бюджета. Ни о расходах, ни о работе над бомбой не знали ни только общественность и английский парламент, но и многие члены правительства. В курсе дела была только узкая группа ведущих министров. Правящие круги Англии тайно поставили под угрозу существование целой нации, которой, кстати, никто не угрожал, провоцируя неизбежно ответные меры Советского Союза, так как именно против него была направлена вся эта программа.

Руководителем английской атомной программы стал достаточно известный британский физик Уильям (сейчас лорд) Пенни (Фукс знал его по Лос-Аламосу), которому в рамках военного министерства были подчинены все работы в этой области. Клаусу Фуксу предложили возглавить теоретические работы в этой области, и прежде всего потому, что не было, пожалуй, в Великобритании физика, который бы знал о технологических принципах плутониевой бомбы (именно на ней было решено сконцентрировать усилия) больше, чем он. Его знания в области импlosionной техники были в сложившейся ситуации воистину бесценными. Харвелл во многих отношениях был похож на Лос-Аламос: та же изолированность от внешнего мира, та же колючая проволока и строгая охрана на въездах КП, то же ощущение непрерывной стройки со всей ее неухоженностью и неуютом, те же ряды безобразных ящикоподобных «функциональных» жилых блоков с однотипной планировкой и однотипной мебелью, тот же замкнутый мирок с обязательным ритуальным хождением в гости, та же зависимость во всем от бюрократии, и в то же время та же неумная страсть к исследованиям, когда не хватает рабочего дня и с удовольствием работается до поздней ночи. Первое время Клаус Фукс жил в блоке для руководящего состава на территории Харвелла, а затем переехал в пансион «Лесиз корт», расположенный неподалеку в городке Абингдоне. Он был одним из немногих, у кого была машина, и поэтому мог позволить себе роскошь жить за пределами атомного центра.

Наряду с научной деятельностью у заведующего отделом была масса обременительных, но совершенно необходимых административных функций. Клаус Фукс относился к ним серьезно и очень ответственно. Так, кандидатов на работу в отдел он принимал вместе со своим заместителем Оскаром Бюнеманом,

еще одним немецким физиком, с которым Клаус Фукс был вместе в лагере для интернированных в Квебеке. Как правило, беседу вел Бюнеман, а Фукс исподволь приглядывался к кандидату. Но за своих сотрудников, по отзывам тех, кто с ним работал, он стоял горой. Если нужно было «выбить» большую квартиру сотруднику, у которого родила жена, или повысить мизерную зарплату лаборанту, который действительно старался, заведующий отделом теоретической физики шел на самый верх, невзирая на должности и ученые титулы. Самого Клауса Фукса за два с небольшим года в Харвелле дважды, в порядке поощрения за самоотверженную работу, повышали в должности и, соответственно, в зарплате до 1800 фунтов стерлингов в год. Последний раз это произошло в 1949 году, причем сэр Джон Кокрофт в официальном представлении лорду казначейства (министру финансов.— *Прим. авт.*) писал, в частности: «...в мире ядерной физики Клаус Фукс занимает ключевое место. Он один из немногих высококвалифицированных физиков страны, не имеющих университетской кафедры, и может стать наиболее вероятным кандидатом на получение профессорского звания в любом из ведущих университетов Великобритании».

...Зимние каникулы 1946—1947 годов Клаус Фукс провел вместе со своими друзьями Пайерлсами в Швейцарии, где они сняли на сезон небольшую виллу в Зассфее. А в Давосе жил брат Герхард, с которым о них заранее списались. Он приехал в один из вечеров — грузный, болезненно полный, с одышкой от избыточного веса и хроническим туберкулезным кашлем. Они не виделись около десяти лет. Герхард был неизлечимо болен, и только горный воздух Швейцарии как-то поддерживал его силы. Братья проговорили всю ночь напролет. Герхард, несмотря на болезнь, продолжал оставаться убежденным коммунистом и рвался в Германию на партийную работу. Через два дня он уехал, пообещав чаще писать и приехать в Англию. Клаус еще не знал, что видит брата в последний раз в жизни. Герхард вскоре после образования ГДР и ареста Клауса уедет на родину и там умрет. Клаус Фукс узнает об этом уже в тюрьме из отцовского письма...

...По независящим от советской разведки причинам связь с Клаусом Фуксом после его возвращения из США была прервана. Узнав о планах английского правительства в области атомных вооружений, он сразу же решил проинформировать об этом советское руководство. Фукс попытался связаться с Юргеном Кучински через местное отделение КППГ, но тот к тому времени переехал в Германию. «Соня», после предательства одного из членов разведгруппы «Радо» в Швейцарии, находилась в поле зрения «МИ-5» и по указанию Центра отошла от активной работы. Клаус Фукс обратился к одному из членов правления немецкой эмигрантской организации в Лондоне «Фрайедойче культурбунд» Иоханне Клопстех, которая, насколько он знал, близко сотрудничала с Юргеном Кучински, и попросил ее помочь ему вновь негласно связаться с советскими представителями. Это было нарушением незыблемых принципов конспирации, но другого выхода у него не было... Вечером 27 сентября 1947 года, проверившись от слежки и убедившись, что за ним «чисто», Клаус Фукс ровно в 19 часов 50 минут толкнул дверь одного из лондонских баров и сразу же окунулся в непередаваемую и неповторимую атмосферу того, что называется английским пабом. Он, прожив уже 14 лет в Англии и став во многом англичанином, нигде с такой остротой не ощущал себя иностранцем, как в лондонском пабе. Особенно, если он расположен на окраине города, где собираются завсегда, соседи или клерки из близлежащего офиса, где все хорошо знают друг друга, где никто не будет бесцеремонно пялиться на незнакомца или приставать к тебе с разговорами, но где сразу же, даже спиной,

начинаешь ощущать, что ты здесь чужой. Это удивительное качество у англичан – быть приветливым и дружелюбным к незнакомому человеку, в том числе иностранцу, и в то же время создавать вокруг себя какое-то непроницаемое поле – удивительный синтез отстраненности, отчужденности и невозмутимости.

В руках у него, как было заранее условлено, был журнал «Tribune». Взяв традиционную кружку пива и оставшись у стойки в дальнем, максимально удаленном от бармена, углу, стал не спеша, исподволь осматривать посетителей этого в высшей степени достойного типичного английского института. Вел он себя совершенно естественно, как человек, забежавший пропустить кружку-другую пива перед тем, как нырнуть в «подземку» и поехать к себе домой в какой-нибудь Кенсингтон. Опознавательным признаком человека, который должен быть вступить с ним в контакт, была книга в красном переплете. Была та специфическая и необычная ситуация, понятная только разведчику-профессионалу, когда необходимо было встретить человека абсолютно незнакомому, которого нужно было узнать по словесному описанию, паролю или по каким-то опознавательным признакам. Клаус Фукс испытывал в этот момент, наряду с внутренним возбуждением, вызванным ощущением опасности и риска, еще и чисто человеческое волнение от встречи с незнакомым и очень нужным тебе человеком. Какой он? Как сложатся их отношения? Можно ли вверить ему свою жизнь, ибо она будет зависеть от его профессионализма, выдержки и опыта?

Когда массивные маятниковые часы пробили восемь и бармен включил вполголоса радио с последними спортивными новостями, от одного из столиков в глубине зала отделился молодой хорошо одетый светловолосый спортивного сложения мужчина с книгой в красном переплете в руке и, подойдя с недопитым бокалом пива к стойке бара рядом с Клаусом Фуксом, произнес с едва заметным акцентом первую часть пароля: «Стаут»⁵ все же не то. Обычно я беру «Лагер»⁶. Клаус Фукс, невозмутимо посмотрев на незнакомца, с едва уловимой улыбкой произнес ожидаемый ответ: «Лучше «Гиннеса»⁷ ничего нет». И хотя было совершенно ясно, что это он, незыблемые правила конспирации требовали завершить обмен условными фразами до конца: «Ваше лицо мне кажется знакомым», — сказал незнакомец. «Мне кажется, мы встречались с вами в Эдинбурге год назад», — ответил Клаус Фукс, улыбаясь уже совершенно открыто. Тихо, вполголоса договорившись встретиться на улице, они с небольшим интервалом вышли из бара. Последним, через некоторое время, вышел незнакомец, очевидно для того, чтобы убедиться, что никто из посетителей не бросился вслед за ним или к телефону. Это свидетельствовало об опыте и понравилось Фуку.

По дороге в расположенный неподалеку Сент-Джеймский парк, где было еще светло и где можно было без помех поговорить, не выделяясь на фоне степенных джентльменов, с достоинством совершавших свой вечерний моцион, приглядывались и присматривались друг к другу, обмениваясь малозначащими фразами. Глядя искоса на своего спутника, Клаус Фукс мысленно отметил, что держался тот спокойно, ровно, с достоинством, не суетился, не оглядывался по сторонам, не пытался напускать на себя таинственность и важность, понятные лишь «посвященным». Когда они оказались совершенно одни, незнакомец, чей легкий славянский акцент стал еще более заметным, вдруг неожиданно протянул ему руку и сказал: «Товарищ Фукс! Центр выражает вам горячую

⁵ Сорт крепкого или так называемого «сильного» пива.

⁶ Сорт ординарного или так называемого «слабого» пива.

⁷ Популярный сорт английского пива.

признательность за вашу помощь в нашем общем деле. Мы очень рады восстановлению контакта с вами». При слове «товарищ» что-то теплое подкатило к горлу Фукса. «Товарищем» его не звали, по меньшей мере, лет семнадцать. «Спасибо»,— только и мог сказать он...

После восстановления контакта в сентябре 1947 года Клаус Фукс встречался с сотрудником советской разведки пять раз, в основном в лондонских пабах, каждый раз на новом месте, с обязательной подстраховкой и контрнаблюдением. Точнее говоря, в пабах было то, что на профессиональном жаргоне называется «визуальным контактом», сама же встреча и беседа происходила, как правило, в более безопасном месте — на улице или в парке. Руководство советской разведки поставило задачу всеми возможными способами обеспечить личную безопасность Клауса Фукса и бесперебойное получение от него секретной информации. С учетом этого продолжительность встреч с ним была сведена до минимума. Последняя встреча с ним состоялась 1 апреля 1949 года. После этой даты он ни на основную, ни на запасную встречи не выходил. О том, что Клаус Фукс арестован, советская разведка узнала из сообщений английской прессы.

Из секретного меморандума Гувера Сауэрсу: «...в течение своего последнего периода сотрудничества с советской разведкой (осень 1947 года — весна 1949 года) Фукс в ходе встреч с русским агентом дополнил переданную им ранее информацию по плутониевой бомбе, сообщив, в частности, всю математическую базу так называемого «уравнения состояния», возможность предетонации плутониевого заряда, расчеты мощности ядерных взрывов в Хиросиме и Нагасаки и расчетную формулу интенсивности радиационного излучения с учетом фактора расстояния... ..Фукс передал русским расчетную величину эффективного сечения тритиево-дейтериевой массы до того, как эта информация была рассекречена, а также сведения, которыми он располагал еще в Лос-Аламосе, а именно о математическом методе подсчета радиационных потерь и расчеты оптимальной температуры возбуждения реакции ядерного синтеза. Он также описал имевшие распространение в Лос-Аламосе идеи относительно конструкции и принципов работы «супербомбы», упомянув, в частности, об идее соединения в одном ядерном устройстве обычной атомной бомбы с последующей тритиевой иницирующей реакцией и результирующей дейтериевой реакцией ядерного синтеза...»

Из неопубликованного интервью Клауса Фукса: «...мне трудно судить, насколько ценной и нужной для советской атомной программы была моя информация — Советский Союз вел в конце 40-х годов разработку собственного ядерного оружия широким фронтом, задействовав весь свой промышленный и научный потенциал. Советские ученые-ядерщики, несмотря на тщательно оберегаемую Соединенными Штатами атомную монополию и в условиях тотальной научно-информационной блокады Запада, многого добились сами на основе собственных оригинальных разработок. Переданная мною советским представителям информация была, на мой взгляд, ценной для них, прежде всего, в том, что помогала избегать неверных и бесперспективных направлений ядерных исследований. Зная эти тупиковые направления, советские ученые могли концентрировать свои усилия на самых важных участках работы. И вместе с тем не вызывает сомнения то, что коллектив советских ученых под руководством Курчатова работал в то время с невероятным напряжением сил и что они, рано или поздно, все равно добились бы успеха даже без переданной мной информации...»

...Прошло шестнадцать лет с тех пор, как Клаус Фукс в последний раз переступил порог родительского дома и, спасаясь от преследований нацистов, приехал в Англию чужим и никому не нужным эмигрантом, без денег и поддержки, не зная толком ни языка, ни обычаев этой страны. Сейчас этим домом для него стал Харвелл. У него появился круг друзей и близких знакомых. Особенно тесно он сошелся с Гербертом Скиннером, которого знал еще по Бристольскому университету. Их связывала давняя дружба, хотя тот был консерватором и человеком далеко не левых убеждений. В Харвелле, в этом замкнутом мире ученых, техников, инженеров, лаборантов, многие действительно если не полюбили его, то относились к нему с большим уважением и симпатией не только потому, что он был хорошим и отзывчивым человеком, а именно за то, что все эти шестнадцать лет он прожил скромно и честно, не запятнав себя ни скандалом, ни каким-либо неблагоприятным поступком, и сумел, благодаря своему таланту, упорству и целеустремленности, работая бок о бок с англичанами, войти в элитную группу ученых, занимающихся наиболее сложной из всех современных наук — ядерной физикой, и поэтому они, сотрудники Харвелла, гордились им, хотя он был иностранцем. В других условиях Клаус Фукс мог бы быть вполне довольным своим положением в обществе, интересной творческой работой и уважением коллег. В его ситуации это стало причиной глубокого душевного разлада...

Из признания Клауса Фукса английской контрразведке:

«...в ходе работы над этими научными проблемами у меня естественным образом начали образовываться дружеские личные отношения с некоторыми из моих коллег, что стало причиной моих внутренних душевных переживаний. Для того чтобы восстановить внутреннее душевное равновесие, я создал в своем сознании два самостоятельных отделения. Психические ресурсы первого отделения позволяли мне заводить друзей и знакомых, помогать людям и быть во всех отношениях тем человеком, каким я хотел быть и казаться. Второе отделение контролировало первое, и благодаря ему я мог быть свободным и непринужденным человеком в отношениях с другими людьми, не опасаясь того, что могу невольно разоблачить себя, так как твердо знал, что та, другая половина моего сознания, мое другое отделение, немедленно вступит в действие, если я, сознательно или бессознательно, начну приближаться к опасному рубежу. Я мог совершенно забыть о существовании второго отделения моего сознания и в то же время полностью полагаться на его защитные функции. Временами мне казалось, что я стал по-настоящему «свободным человеком», так как я верил, что мне удалось утвердить себя в том другом отделении моего сознания, моем контрольном механизме, существом, абсолютно независимым от окружавших меня общественных реалий. Оценивая сейчас мое тогдашнее душевное состояние, я бы охарактеризовал его как «контролируемую шизофрению...» В декабре 1948 года Клаус Фукс получил радостное известие: отец, которого он не видел уже много лет, по приглашению американских квакеров выезжает в Соединенные Штаты вместе с племянником Клаусом и заедет по пути погостить у сына.

Приезд отца совпал по времени с глубоким идейным кризисом, который Клаус Фукс был вынужден скрывать от окружающих. Убежденный в своих идеалах, добровольно и бескорыстно решивший помочь народам Советского Союза обеспечить надежную защиту своей Родины, он в то время начал испытывать серьезные сомнения по поводу ряда аспектов внешней и внутренней политики Советского Союза. Обстановка «холодной войны» и связанная с ней массивная пропагандистская истерия не могли не оказать своего воздействия.

Маниакальное стремление, с которым насаждались в странах Восточной Европы кровавые миникульты с той же страстью к репрессиям и тоталитаризму что и сталинский режим, гонения на творческую интеллигенцию, какая-то нелепая борьба с «угодничеством перед Западом», а заодно и с целыми науками, которые объявлялись «буржуазными» постыдная, с явным антисемитским черносотенным душком кампания против «безродных космополитов» — все это не могло не оказать своего негативного воздействия на настроение либеральной западной интеллигенции. Клаус Фукс вспоминал позднее, что тогда, в конце 40-х годов, особенно его поразила попытка некоторых советских ученых невежд в физике «дать бой» квантовой механике, и только заступничество Курчатова, популярно объяснившего Берии, что все физические процессы в атомной бомбе происходят как раз по законам квантовой механики, спасло физиков от разгрома.

В этот сложный для Клауса Фукса момент им впервые серьезно заинтересовалась английская контрразведка МИ-5 в лице офицера безопасности атомного центра в Харвелле Генри Арнольда. Проанализировав досье всех иностранцев, работавших в атомном центре, он интуитивно заподозрил в хищении секретных сведений Клауса Фукса. Проведя несколько осторожных и профессионально выверенных тестов, он еще более укрепился в этой мысли и решил сблизиться с ним, с тем чтобы в живом контакте в сочетании с другими методами проверить возникшие у него подозрения. Ход событий ускорила важная информация, полученная из Вашингтона. В ней говорилось, что в 1944 году в США из британской научной миссии происходила утечка информации по «Манхэттенскому проекту» и что к ней, возможно, был причастен Клаус Фукс. Это был уже очень серьезный сигнал, и британская контрразведка решила действовать без промедления.

В августе 1949 года Клаус Фукс, как научный руководитель первой категории, получил право на отдельную служебную квартиру на льготных условиях в одном из новых домов на территории атомного комплекса и скоро, хотя и не без внутреннего сожаления, покинул гостеприимный пансион «Лесиз Корт» в Абингтоне. Все это облегчило задачу Арнольду, который, действуя осторожно и методично, «обставил» Фукса так, что каждый его шаг в Харвелле находился под наблюдением. Но главные свои усилия он направил на то, чтобы подружиться с ним. Он и его жена несколько раз пригласили Клауса Фукса на ужин, после чего Арнольд на правах «доброего знакомого» начал регулярно захаживать к нему «на огонек», выпить чашку чая и просто «поболтать». Действовал он очень деликатно, ненавязчиво, не лез, что называется, в душу с расспросами, искал точки соприкосновения и общие интересы, внимательно присматривался к нему, выявлял жизненные ценности и приоритеты, а главное — слабые и уязвимые места, используя которые можно было бы добиться признания или раскаяния в содеянном.

23 сентября весь мир, включая атомный центр в Харвелле, облетела новость об успешном испытании Советским Союзом атомного оружия. Буквально через несколько дней случилось то, что Клаус Фукс ожидал все эти месяцы и чего он так внутренне боялся.

Из признания Клауса Фукса английской контрразведке:

«...вскоре мой отец написал мне письмо, в котором сообщил, что он, возможно, переедет жить в восточную зону Германии. Я не мог решиться отговорить отца не переезжать в ГДР. Однако это обстоятельство заставило меня, наконец, взглянуть в лицо фактам, касающимся меня самого. Я осознал, что переезд моего отца в восточную зону, его письмо мне оттуда могут кардинально

затронуть мое нынешнее положение. Прошло некоторое время, и я стал все более убеждаться в том, что мне необходимо будет покинуть Харвелл...»

Клаус Фукс сделал то, что должен был сделать любой, имеющий «допуск» сотрудник этого сверхсекретного объекта в подобной ситуации,— он сообщил об этом своему офицеру безопасности и спросил, следует ли ему в сложившихся обстоятельствах уйти из Харвелла. Арнольд, переведя беседу в дружескую плоскость, сказал, что этот вопрос будет решать руководство атомного центра, но он со своей стороны как «друг» постарается помочь ему чем сможет. Разговор о предстоящем переезде Эмиля Фукса в ГДР стал прекрасным поводом для изолированного психологического воздействия на «объект». Расчет оказался верным — «дружеские» беседы Арнольда с ним только углубляли и без того сложное душевное состояние Клауса Фукса.

В декабре 1949 года английская контрразведка решила форсировать «разработку» Клауса Фукса. Арнольд как «друг» свои возможности явно исчерпал. Тщательная, почти круглосуточная слежка, подслушивание телефонных разговоров, перлюстрация корреспонденции — все это хотя и помогло МИ-5 составить более полное представление об «объекте», тем не менее ничего компрометирующего не

157

выявило. Да, он что-то явно скрывал, был подавлен, растерян, озабочен, но все это можно было толковать по-разному. Не было главного — прямых улик его сотрудничества с советской разведкой. Необходимо было как-то побудить Клауса Фукса добровольно сознаться в этом. Эта задача была поручена кадровому сотруднику МИ-5 Уильяму Скардону. Неплохой психолог и опытный следователь, он понимал, что криком и угрозами с Фуксом мало чего добьешься. Здесь нужны были нестандартные решения, которые бы учитывали особенности личности и психического склада подозреваемого. Скардон решил сыграть на внутреннем разладе Клауса Фукса с использованием фактора неожиданности...

Далее события развивались следующим образом. Генри Арнольд сообщил Фуксу, что с ним хочет поговорить сотрудник контрразведки по поводу переезда его отца в ГДР. Во время первой встречи, которая состоялась 21 декабря в служебном кабинете Фукса, Скардон попросил его подробно рассказать о своей семье и своих близких. Подавленный, измученный неясными предчувствиями Клаус Фукс был откровенен, как, пожалуй, ни с кем до сих пор. В ходе беседы, когда Фукс, заметно успокоившись, рассказывал о своей работе в Нью-Йорке над проектом газодиффузионной обогатительной установки, Скардон неожиданно спросил его в лоб: «Вы не поддерживали во время вашего пребывания в Нью-Йорке связь с одним советским представителем? Вы не передавали ему информацию о вашей работе?», Клаус Фукс заметно смешался, но быстро взял себя в руки и после некоторой паузы ответил каким-то не вполне внятным отрицанием, добавив при этом: «Я не понимаю ваших вопросов. Не могли бы вы мне сказать, какие у вас есть доказательства для подобных обвинений. Ничего подобного я не делал». Беседа, а по сути, допрос, был продолжен после обеда. Скардон, чувствуя внутреннюю неуверенность и растерянность Фукса, повел беседу уже более напористо, утверждая, что он передавал русским секретную информацию. Клаус Фукс по-прежнему все отрицал. В тот же вечер Скардон уехал в Лондон, где сообщил своему руководству о том, что продолжительная беседа с «объектом» еще больше убедила его в виновности Фукса, что он, судя по всему, переживает глубокий внутренний кризис, что ему необходимо дать время «созреть», оставив его одного наедине со своими мыслями, не выпуская

одновременно из поля зрения.

Из признания Клауса Фукса английской контрразведке:

«...мне сообщили, что в английской контрразведке имеются свидетельства того, что я передавал информацию русским в Нью-Йорке. Я был поставлен перед дилеммой: либо признаться в этом и остаться в Харвелле, либо уйти. Я не был уверен, смогу ли я остаться в Харвелле после всего случившегося, и поэтому я отверг все обвинения и решил уйти из Харвелла. Однако по зрелому размышлению я отчетливо осознал, что мой уход из Харвелла в сложившихся обстоятельствах будет ошибкой по двум причинам. Во-первых, это нанесет серьезный удар Харвеллу и работе, которую я так любил; во-вторых, это вызовет подозрение в отношении моих друзей, которых я любил и которые искренне верили, что я их друг. Я вынужден был признать, что сознательно допустил в своем внутреннем мире такое состояние, при котором мог в одной половине своего сознания быть дружелюбным с людьми и иметь близких друзей и в то же время обманывать их и подвергать их опасности...»

Все дальнейшее английская контрразведка рассчитала довольно точно. 29 декабря Клаус Фукс принимал поздравления по поводу своего 38-летия, а уже на следующий день Скардон вновь про вел с ним часовую беседу с единственной целью — заставить его признаться, добавив при этом, что министерство снабжения, «вероятнее всего», уволит его по соображениям «безопасности». Клаус Фукс воспринял эту новость с явной болью в душе, но по-прежнему отрицал все обвинения в свой адрес. 10 января нового 1950 года сэр Джон Кокрофт официально сообщил ему о предстоящем увольнении, пообещав оставить его в качестве «консультанта». К этому времени весь Харвелл уже знал, что Фукс уходит в отставку в связи с возникшими в его адрес подозрениями, новость быстро обросла всякими самыми невероятными подробностями, коллеги начали избегать его, отводить глаза при встрече. Позднее он вспоминал, что у него было странное ощущение вакуума, мягкой ватной пустоты вокруг себя, как будто он двигался среди теней, которых не мог коснуться руками. 13 января Фукс вновь встретился со Скардоном в своем офисе и признался, наконец, что начиная с 1942 года передавал информацию по тематике атомных исследований советским представителям.

27 января 1950 года Клаус Фукс и Уильям Скардон встретились на платформе станции «Паддингтон-Сквэр» и пешком дошли до военного министерства, где Фукс сделал полное устное признание о своем сотрудничестве с советской разведкой, которое Скардон оформил в виде официально заверенного письменного документа. 30 января он встретился со своим старым знакомым еще по «Тьюб Эллойз» — инспектором государственной комиссии по атомной энергетике Майклом Перрином в его лондонском офисе в «Шеллмекс-хауз», который с его слов записал в форме отдельного секретного протокола объем переданной им русским научно-технической информации по ядерной проблематике. Он все еще был на свободе. 2 февраля Клауса Фукса вновь пригласили к Майклу Перрину, якобы для «уточнения некоторых деталей», а в действительности для ареста, который произвел сотрудник Скотланд-Ярда Леонард Бэрт.

Суд над Клаусом Фуксом состоялся 1 марта 1950 года в одном из залов мрачного здания уголовного суда на Олд Бейли. Председательствовал на заседании член Верховного суда сэр Годдард. От обвинения выступал генеральный атторней сэр Хартли Шоукросс, интересы обвиняемого защищал Дерек Кэртис-Беннет. Заседание было открытым для публики, среди которой

можно было увидеть герцогиню Кент, сводную сестру короля Георга VI, мэра Лондона в традиционном черном средневековом костюме с золотой цепью и в шляпе с плюмажем, около 80 корреспондентов иностранных газет и агентств, включая ТАСС, и двух представителей посольства США, изо всех сил старавшихся выглядеть безучастными.

Позднее Клаус Фукс назовет суд над собой «честным» в том смысле, что проходил он в строгом соответствии с британским законодательством. Присяжных заседателей не было, поскольку Фукс сам признал себя виновным. Если не считать короткой дачи показаний одним свидетелем, то весь судебный процесс состоял из вступительного заявления генерального прокурора, выступления защитника и краткого заявления самого Фукса.

Из неопубликованного интервью Клауса Фукса:

«...из всего судебного заседания на Олд Бейли я запомнил только ступеньки, которые вели к огороженной от всего зала скамье для подсудимых. Когда я, не видя ничего вокруг себя, сел на нее, мой защитник, наклонившись ко мне, спросил: «Вы знаете, какое вас может ожидать максимальное наказание?» — «Да,— сказал я,— я знаю, это — смертная казнь». — «Нет,— сказал он,— максимальная мера наказания за это — 14 лет тюремного заключения». Самое странное, что я ничего в этот момент не почувствовал. Я был уверен, что меня ожидает смертная казнь, смирился и был готов к этому. В этом как раз и заключалась моя ошибка — настоящий разведчик должен был драться, бороться за жизнь до последнего. А затем я вдруг почувствовал то, что и должен был почувствовать в моей ситуации смертник, которому неожиданно говорят: тебя не казнят, ты будешь жить...»

...Все авторы книг о Клаусе Фуксе на разные лады обыгрывают этот эпизод в зале суда на Олд Бейли. Последовавшую затем неадекватную реакцию Клауса Фукса стараются объяснить «раздвоением сознания», «заторможенной психикой», «эмоциональной нищетой» и прочими хитромудрыми терминами, не понимая, какую бездну страдания и душевную бурю должен был пережить он, идя, образно говоря, на эшафот и узнав, что палач не понадобится.

Он действительно не знал, что между «государственной изменой» и «нарушением закона о защите секретов, составляющих государственную тайну», существует правовое различие, и действительно был уверен, что ему грозит смертная казнь. И вовсе не потому, что был «не от мира сего», а прежде всего потому, что никогда не соизмерял свои поступки, риск, на который шел, с тем наказанием, которое ему грозило. Он рисковал в Америке, где ФБР, несомненно, сделало бы все, чтобы посадить его на электрический стул. Разумеется, он, как и все, любил жизнь и не хотел умирать, но никогда за семь лет сотрудничества с советской разведкой не соизмерял свою смелость с уголовным кодексом. Все эти годы он был готов к тому, чтобы принять смерть от руки палача во имя тех идеалов, которым был верен всю свою жизнь... «Мягкость» британской Фемиды была вполне юридически обоснованной. В соответствии с английским уголовным законодательством «измена Родине», предусматривавшая высшую меру наказания, могла применяться лишь к субъектам, связанным с иностранным враждебным государством во время войны. Советский Союз в годы войны был союзником Великобритании в борьбе против нацистской Германии, и поэтому эта статья закона была к нему неприменима. Если бы он передавал военную информацию Германии, Италии или Японии, то он, вероятнее всего, был бы казнен. Вот почему он был осужден в соответствии с Законом о защите государственных секретов, максимальная мера наказания которого составляла 14

лет тюрьмы. Поспешность, с которой был проведен этот выигрышный внешне для Запада процесс, объяснялась нежеланием англичан раскрывать свои атомные секреты, которые бы неизбежно стали достоянием гласности в ходе перекрестных допросов и свидетельских показаний.

Новость об аресте и суде над Клаусом Фуксом с быстротой молнии облетела научный мир Англии и США. Реакция на эту ошеломительную новость была самой различной: от откровенного злорадства до понимающего сочувствия. В те бесконечно долгие двадцать с лишним дней, проведенных им в лондонской тюрьме Брикстон в ожидании суда, его дважды посетили Скиннеры, Рудольф Пайерлс и его неумолимая Немезида — Генри Арнольд. Впечатление от этих посещений и писем от них было самое тягостное. Сейчас, читая воспоминания этих лиц (некоторых из них уже нет в живых), нельзя отделаться от мысли, что все они, невольно или сознательно, помогали МИ-5 в ее усилиях склонить Клауса Фукса к полному признанию, то есть назвать всех советских представителей, с кем он был связан. Из близких друзей один Эдвард Корсон прислал телеграмму прямо в тюрьму, в которой утверждал, что не верит в его виновность, и предлагал себя в качестве свидетеля защиты (ФБР ему припомнит эту телеграмму и дружбу с Фуксом).

...6 марта 1950 го да агентство ТАСС опубликовало заявление следующего содержания:

«Агентство Рейтер опубликовало сообщение о состоявшемся на днях в Лондоне судебном процессе над английским ученым-физиком Фуксом, который был приговорен за нарушение государственной тайны к 14 годам тюремного заключения. Выступивший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоу-кросс заявил, что будто бы Фукс передавал атомные секреты «агентам Советского правительства».

ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

...Возникает вопрос: если Клаус Фукс был таким замечательным человеком и так много сделал для безопасности нашей родины, то почему тогда Советский Союз устами ТАСС так легко отказался от него? Ответ: время было такое.

Сейчас, с высоты сорока пяти послевоенных лет, когда на дворе гласность и плюрализм мнений, это объяснение может показаться слишком банальным и обтекаемым, но оно действительно было таким, и никаким другим. Чтобы действительно понять, что происходило со всеми нами тогда, нужно вернуться в ту эпоху, какими мы были тогда, с нашими мыслями, взглядами, жизненными установками, что, увы, невозможно. Время незримо управляло нашими делами и мыслями, и каждый был его частью.

Разведка считалась войной за линией фронта, а все ее сотрудники солдатами, переодетыми в гражданскую форму и связанными присягой и клятвой. Если разведчик, попав в руки контрразведки противника, признавался в принадлежности к советской разведке, он автоматически становился предателем со всеми вытекающими отсюда последствиями. И не важно, был ли его провал вызван предательством, или он сам не выдержал методов допроса. Любые человеческие слабости, любые оправдывавшие разведчика обстоятельства не признавались. Люди были винтиками, и если винтик выходил из строя, его без сожаления заменяли на новый. Имя Рихарда Зорге, например, долгое время было предано забвению, в первую очередь, именно потому, что он сознался японцам в том, что он советский разведчик.

Были еще и другие субъективные факторы. Советскую разведку и советскую атомную программу «курировал» один и тот же человек — Берия. Нет необходимости рассказывать, какую атмосферу подозрительности, недоверия и жестокости нес с собой этот человек,— написано об этом уже достаточно. После того как первые тассовские сводки с фрагментами признания Клауса Фукса легли к нему на стол, его вывод был однозначен — предатель. Протестовать, сомневаться в его «мудрости» в ту пору было не просто неразумно, а смертельно опасно. Здесь нельзя не учитывать того, что разнузданная кампания клеветы по втаптыванию в грязь имени Клауса Фукса находила внимательных слушателей не только на Западе, но и в сталинском руководстве, видевшем в каждом потенциального предателя. Ну а вскоре ФБР инсценировало на «показаниях» Клауса Фукса пресловутый «процесс века», после чего имя славного разведчика-интернационалиста на долгие годы было предано забвению в нашей стране. Сказанное вовсе не означает, что советская разведка была равнодушной к судьбе своих помощников — как раз наоборот. Ни Берии, ни разного рода абакумовым и рюминым не удалось вытравить изначальный высокий нравственный заряд в душах тех, кто посвятил себя этой тяжелой, увлекательной и благородной профессии. Для советских разведчиков безопасность тех, кто самоотверженно и бескорыстно помогал советской разведке, всегда была на первом плане. Достаточно вспомнить, сколько сил средств, изобретательности, настойчивости, хитроумия было проявлено, чтобы вызволить знаменитую английскую «четверку»: Филби, Маклина, Бёрджесса и Блейка. Заботясь о спасении своих попавших в беду помощников, советская разведка деньги не считала и делала для этого все возможное и невозможное.

Клаус Фукс в этом смысле не был исключением. Весной 1948 года произошел эпизод, который заставил советскую разведку пересмотреть все принимавшиеся до сих пор меры по обеспечению его безопасности. 23 марта 1948 года корреспондент «Санди таймс» Чапмэн Пинчер опубликовал, со ссылкой на «надежные источники в контрразведывательных кругах», сообщение о том, что трое ученых иностранного происхождения, работающих в национальной исследовательской станции по атомной энергии в Дидконе и исследовательском центре в Харвелле, были разоблачены английской контрразведкой МИ-5 — как коммунисты, скрывающие свою принадлежность к «международному коммунизму». Дела этих «неблагонадежных» ученых-атомщиков якобы уже направлены министру снабжения Великобритании Дж. Р. Страуссу, который будет решать их дальнейшую судьбу. Советская разведка, естественно, всполошилась и, не дожидаясь результатов проверки, является ли это сообщение газетной «уткой» или основано на реальных фактах, отработала вариант вывоза Клауса Фукса из Англии. Более того, уже тогда, в случае непредвиденного выезда в СССР, ему было гарантировано достойное место в советской программе атомных исследований. Раскроем маленький секрет: на рапорте разведки советскому руководству Молотов поставил краткую и весьма выразительную резолюцию — «Будем приветствовать». К счастью, все обошлось, речь в этой газетной публикации шла не о нем, но вывезти Клауса Фукса из Англии советская разведка была готова уже тогда. У тассовского заявления от 8 марта 1950 года, безотносительно к личности Клауса Фукса, есть еще одна особая подоплека. Дело в том, что в те послевоенные годы тема советской разведки вообще была табу в нашей прессе. Официально у нас не было разведки, а органы КГБ (тогда МВД) занимались только тем, что успешно разоблачали коварные происки империалистических разведок и их агентуры — диверсантов, шпионов и

вредителей, действуя особыми, отличными от буржуазных репрессивных режимов методами. Информационный карантин, информационный «железный занавес» действовал безотказно. Даже информационные сообщения ТАСС были снабжены грифом «Совершенно секретно». Вряд ли простой советский человек, за исключением, разумеется, узкого круга руководителей и тех, кто работал в советских внешнеполитических ведомствах, знал или читал что либо об аресте Клауса Фукса, Гарри Голда, Д. Грингласса, М. Собелла и других. Даже сами тассовские заявления с опровержениями «клеветы» буржуазной прессы и разоблачениями «провокаций» западных разведок были зачастую секретными.

Романы Ардаматского, Воробьева, эпопея Юлиана Семенова о Штирлице, публикации об Абеле, Лонсдейле и других советских разведчиках — все это появилось гораздо позже, несколько приоткрыв завесу секретности над такой важной внешнеполитической функцией любого государства. Но и до недавнего времени многие славные страницы в деятельности разведки КГБ были неизвестны широкому советскому читателю. Так что сорокалетнее умолчание о Клаусе Фуксе — не исключение из правил, а, скорее, пример того стереотипа мышления, который сложился у нас в довоенные и послевоенные годы. Сломать этот стереотип вынудило само время...

Вспоминает вдова Клауса Фукса — Грета Кейльсон-Фукс:

«...сразу же после образования ГДР я начала работать в отделе информации ЦК СЕПГ. Дел было по горло, и свободного времени почти не оставалось. К тому времени я осталась одна. Но странное дело, я все чаще вспоминала ту далекую встречу в Париже. Предчувствие, если хотите женская интуиция, что я обязательно опять встречу того худощавого симпатичного сына пастора, все чаще охватывало меня. После одного из таких мимолетных ощущений я, чтобы сбросить с себя это наваждение, начала наводить справки, и мне сообщили, что он по-прежнему в эмиграции, дав при этом понять, что особого рвения в его поисках проявлять не стоит. Я, дисциплинированный член партии, прекрасно понимая, что такое подпольная работа, лишних вопросов задавать не стала.

Ну а потом наступил февраль 1950 года, знакомое, немного постаревшее и ставшее вдруг родным лицо на первых полосах газет с крупными заголовками, арест, суд и приговор, тяжелый, как удар молота,— 14 лет тюрьмы. В ЦК сразу же стали думать, как помочь, по крайней мере, как приободрить Клауса в тюрьме, дать ему понять, что в ГДР не забыли и ждут его. Я уже не говорю о том, что это был очень деликатный вопрос, решать который необходимо было, не затрагивая интересы советских товарищей. Весточку о том, что «Марго» жива и надеется вскоре увидеть его, мы передали Клаусу через его племянника Клауса Киттовски-Фукс, который посещал его в тюрьме...»

«КАК ГОТОВИЛСЯ ПРОЦЕСС ВЕКА?»

...Два заявления или признания Клауса Фукса, сделанные им Уильяму Скардону (27 января 1950 года) и Майклу Перрину (30 января 1950 года), по-прежнему считаются в Великобритании секретными документами и до сих пор англичанами не опубликованы⁸ В марте 1950 года, после завершения суда над

⁸ Оба этих документа, находящиеся сейчас в архиве президента Трумэна (President's Secretary's Files, Harry S. Truman Presidential Library, Independence, Missouri), были рассекречены в 1980 году в полном объеме в соответствии с Законом о свободе информации США (Freedom of information act), после чего были опубликованы в книгах Роберта Чедвелла Уильямса «Клаус Фукс — атомный шпион» (P. C. Williams «Klaus Fuchs — the atom spy») и Нормана Мосса «Клаус Фукс

Клаусом Фуксом, эти документы были переданы тогдашнему директору ФБР Эдгару Гуверу, который, в свою очередь, направил их в виде меморандумов (памятных записок) специальному консультанту президента Трумэна по вопросам безопасности контр-адмиралу Сиднею В. Сауэрсу.

Читая признание Клауса Фукса Уильяму Скардону, не только лучше понимаешь его душевное состояние и внутреннюю мотивацию накануне ареста перед лицом изошренного психологического давления на него, но и то, что только американский Закон о свободе информации 1974 года и настойчивость Роберта и Майкла Миерополь, сыновей трагически погибших Этель и Юлиуса Розенбергов, до сих пор требующих оправдать светлое имя своих родителей, заставили ФБР скрепя сердце достать эти документы из своих секретных сейфов. Читаешь исповедь честного, запутавшегося в какое-то время в своих противоречиях и внутренних конфликтах человека, стремившегося всю жизнь жить согласно велению своей совести, добровольно принимающего на себя всю ответственность за свои по ступки, не желающего причинить ни малейшего вреда тем людям, которые верили ему и были дружны с ним, и понимаешь, что это исповедь, прежде всего, глубоко порядочного человека, для которого норма чести и моральной ответственности превыше всего.

На суде был зачитан только один двухстраничный фрагмент из признания Клауса Фукса, остальная часть, якобы содержащая «разоблачения», была объявлена «сверхсекретной» и на тридцать лет похоронена в сейфах ФБР. И вот она опубликована. Нет и никогда не было там десятков и сотен названных им «красных агентов», нет сенсационных «разоблачений», нет и намек на то, о чем захлеб писала западная пресса. ореол секретности вокруг этого документа, не подлинный, а мнимый, был призван нагнать страх на обывателя «красной угрозой», развернуть невиданную кампанию маккартизма, «охоты за ведьмами» и разнузданную травлю коммунистов и всех левых сил в связи с «делом Розенбергов», помочь президенту Трумэну протолкнуть решение о создании водородной «супербомбы».

...Втапывая в грязь доброе имя человека и накручивая одну небылицу за другой, английская контрразведка подвергала его интенсивной психологической обработке с одной лишь целью — выдать всех, с кем был он связан за время сотрудничества с советской разведкой. Нет, его не принуждали, не били, но только на мгновение представьте себе положение человека, которому дают читать все эти гнусности и небылицы о себе, постоянно внушая при этом: ты раздавлен, твоя репутация уничтожена, в глазах и друзей и недругов ты предатель вдвойне, посмотри, как легко от тебя отказались те, кому ты служил, тебе потом никто не поверит, сознайся, облегчи свою душу, мы добьемся смягчения наказания и так далее и тому подобное. Какую силу духа и мужество нужно было иметь, чтобы выдержать все эти нравственные пытки, не сломаться, не поддаться на уговоры, не дать себя уговорить. Клаус Фукс никогда и никому, даже своей жене, не рассказывал, что он пережил в эти первые три месяца в Уормвуд-Скрэбс... Как удалось ФБР выйти на его американского связника Гарри Голда и сфабриковать то, что руководитель этого ведомства назвал «преступлением века»? Что рассказал Клаус Фукс агентам ФБР, допрашивавшим его в тюрьме Уормвуд-Скрэбс в мае 1950 года?

Итак, каким образом ФБР удалось выйти на Гарри Голда? Установлено абсолютно точно, что он попал в поле зрения ФБР еще в 1946 году, когда

человек, который украл атомную бомбу» (M. Moss «Klaus Fuchs — the man who stole the atom bomb»).— *Прим. авт.*

американская охранка начала массированную облаву на всех, подозреваемых в причастности к коммунистической партии, или просто на людей левых убеждений и симпатий. Предлогом к этому стали показания, данные некой Элизабет Бентли. В июне 1947 года ФБР нагрянуло к Голду на квартиру с обыском, а через год, в июне 1948 года, дважды допрашивало его. Обо всем этом рассказал сам Гарри Голд, которого видели живым и невредимым в сентябре 1949 года. По его словам, вызовы в ФБР были пустой формальностью, никаких улик у них против него не было, ФБР, по его уверению, отпустило его с миром, приказав «больше им не попадаться». Так ли это? Характерно, что внешне он вел себя совершенно естественно, никакой нервозности в связи с вызовами в ФБР не проявлял, даже намекал на какие-то «новые возможности».

Поиск американских контактов Фукса ФБР начало в сентябре 1949 года, сразу же после успешного испытания Советским Союзом первого ядерного устройства. К тому времени ведомство Гувера располагало только общей информацией о «возможной» передаче Клаусом Фуксом Советскому Союзу секретной информации по американскому атомному проекту. Начиная с этого времени ФБР начало активную «разработку» сестры Клауса Фукса — Кристел Хейнеман и ее мужа Роберта: их телефон прослушивался и вся переписка перлюстрировалась. Осторожное негласное изучение Хейнеманов продолжалось несколько месяцев, пока ФБР не убедилось, что они не имеют никакого отношения к этому делу.

Массированный поиск американских контактов Фукса ФБР начало сразу же после его ареста, не связывая его вначале с Голдом. Последний раз его видели (только видели, но не разговаривали) 5 февраля 1950 года в Нью-Йорке, то есть через три дня после ареста Фукса. По одному его внешнему виду, к тому же издали, было трудно установить с достоверностью, спокоен он или нервничает. В любом случае, в его ситуации естественней было куда-нибудь исчезнуть, хотя бы на время, как это сделали некоторые из тех, кого оговорила Элизабет Бентли. Но он тем не менее остался в США. Почему? Он мог чувствовать себя спокойно по двум причинам: во-первых, он знал, что Фукс не знает его имени, во-вторых, очевидно, надеялся на то, что связь с ФБР избавит его от подозрений. Именно в этом заключалась его ошибка.

В начале февраля 1950 года ФБР, получив наиболее существенные детали признания Клауса Фукса от Майкла Перрина, вновь вышло на Кристел Хейнеман и ее мужа. В своем признании Фукс совершил явный промах, рассказав о встречах с американским связником в городе Бостоне, не связывая эти встречи со своей сестрой, которая жила в пригороде Бостона — Кембридже. ФБР, естественно, связало воедино эти два факта, резонно предположив, что сестра Клауса Фукса и ее окружение могли что-то знать об этих встречах. Гарри Голд, если вы помните, трижды посещал Кембридж, причем дважды беседовал с Кристел Хейнеман, а один раз с ее экономкой. Опросы обеих женщин могли дать агентам ФБР словесный портрет незнакомца. Начав его поиски, ведомство Гувера первым делом подняло дело двухлетней давности на всех, проходивших по показаниям Элизабет Бентли, включая, естественно, Гарри Голда. Произошло это, судя по некоторым косвенным признакам, в середине марта.

Итак, с середины марта ФБР уже было уверено, что Голд является американским связником Фукса. Возникает вопрос, почему ФБР так долго следило за Голдом, словно не решаясь его арестовать и прижать как следует? Никакого секрета здесь нет — ФБР готовило «процесс века», в котором Фуксу отводилась заглавная роль и по условиям которой он должен был первым опознать Голда, а несносные англичане все тянули резину с выдачей разрешения

на допрос Фукса, поэтому арестовывать Голда не было никакого резона. Его негласно «задержали» за несколько дней до отъезда агентов ФБР в Лондон.

Как же получилось, что Клаус Фукс, будучи формально британским гражданином, был допрошен агентом ФБР и давал им показания? Клаус Фукс дал свое согласие быть допрошенным агентами ФБР с обязательным условием, чтобы при этом присутствовал Уильям Скардон, в порядочность которого он верил, и чтобы ему дали возможность отвести подозрения от тех американских ученых, которых он знал по работе в Лос-Аламосе и Нью-Йорке. Первый допрос Клауса Фукса сотрудниками ФБР состоялся в субботу 20 мая в присутствии Скардона в специальном помещении тюрьмы Уормвуд-Скрэбс, используемом обычно адвокатами для встреч со своими подзащитными, и продолжался около одного часа. Фукс дал согласие быть допрошенным только при условии, если ФБР даст гарантии, что Эдвард Корсон и все те, кого он близко знал по совместной работе в «Манхэттенском проекте», будут избавлены от каких-либо подозрений в связи с его арестом.

Фэбээровцы заверили Фукса, что Корсон вне подозрений, но заставили выполнить одну, весьма унижительную процедуру. Они вытащили список с именами более чем пятидесяти известных Фуксу ученых и специалистов, участвующих в американских ядерных исследованиях (Фукс помнил, что в этом списке были Оппенгеймер и Фейнман), и он должен был против каждой фамилии написать, что ничего не знает об их шпионской или любой другой подрывной деятельности.

Затем агенты ФБР предложили ему назвать имя, адрес, какие-либо детали поведения, внешности человека, через которого он передавал информацию русским, и обстоятельства встреч с ним. Он вновь заявил, что не знает ни имени, ни адреса этого человека, и дал весьма расплывчатый приблизительный словесный портрет человека, который можно было приложить к каждому второму мужчине старше сорока лет. И здесь, совершенно неожиданно для него, агенты ФБР предъявили более десятка различных фотографий Гарри Голда, сделанных скрытой камерой в разной обстановке и, судя по антуражу, достаточно давно — вероятнее всего, в марте. Никакого опознания не было, так как на снимках был изображен один Голд. Фукс, разумеется, сразу же узнал его, но виду внешне не подал и, внимательно просмотрев все принесенные ему фотографии, заявил, что изображенного на них человека он не знает. Тогда агенты ФБР посоветовали ему хорошенько подумать, так как они убеждены, что это именно тот человек.

21 мая в воскресенье допросов не было.

22 мая, в день ареста Голда, Фукса допрашивали дважды: один час до и два часа после обеда. Все вопросы вновь касались американского связника и обстоятельств встреч с ним. Вновь крутили «кино» и показывали фотографии. На этот раз Голд был снят скрытой камерой с автомобиля, возвращавшимся с какой-то встречи. Он производил впечатление смертельно напуганного человека, все время оглядывался и вел себя очень нервно. Фукс, начиная сознавать, что попал в ловушку, согласившись на беседу с агентами ФБР, тем не менее Голда не опознал, решив по тянуть время в тщетной, в общем, надежде, что все как-то обойдется.

Весь день 23 мая агенты ФБР уточняли у Фукса объем переданной им русским научно-технической информации по плутониевой бомбе. 24 мая допрашивали мало, и то только до обеда, ожидая, очевидно, каких-то важных сообщений из Вашингтона. Вечером того же дня специальный агент ФБР Ламферт встретил самолет «Пан Ам» со специальным грузом из Вашингтона, в

котором был фильм об аресте Голда и полный текст его признания. До поздней ночи 24 мая и весь день 25 мая Клегг, Ламферт и Симперман изучали эти материалы, уточняя интересующие их детали шифр-связью со штаб-квартирой ФБР, и только на следующий день приступили к решающему допросу (все эти факты были опубликованы лондонской «Дейли ньюс» 26 мая 1950 года).

Упорство Фукса явно начинало ломать стройный сценарий «опознания», и поэтому на решающем допросе 26 мая 1950 года ФБР пошло ва-банк, решив заставить, наконец, его сознаться перед лицом неопровержимых улик. Кто кого в действительности опознает первым, уже не имело значения, сценарий необходимо было спасать, все технические детали решили оставить на потом. Рассказывая о процедуре решающего допроса, Клаус Фукс вспоминал потом, что агенты ФБР вновь предложили ему назвать своего американского связника и, получив очередной отказ, показали ему фильм, в котором Голд был изображен сидящим в тюремной камере. Он производил впечатление человека, с плеч которого спала громадная ноша. Ламферт комментировал фильм выдержками из показаний Голда. Клаус Фукс, сознавая, что дальнейшее заперательство бессмысленно, опознал, наконец, Гарри Голда как своего американского связника.

2 июня 1950 года, когда агенты ФБР вылетели в Нью-Йорк, американские газеты уже пестрели заголовками типа «Целая сотня красных шпионов названа Фуксом». Клауса Фукса не удалось сделать фигурантом на этом спектакле, но запечатать его имя на годы вперед его устроителям удалось.

Антисоветская, антикоммунистическая истерия вокруг «процесса века» подогревалась самыми вздорными и невероятными слухами, циркулировавшими в американской прессе. Обыватель, запуганный «красной опасностью» сенатором Маккарти, «черными» списками, кликушеством «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» и всей атмосферой «охоты за ведьмами», был готов поверить всему, что ни писали газеты. Писали, что у Советского Союза имеется уже три водородные бомбы и что одна уже испытана, что ядерные предприятия в Оук Ридже и Хэнфорде и научный центр в Лос-Аламосе уже окружены батареями подразделений противовоздушной обороны в целях защиты от атомной атаки русских, что у Фукса была целая сеть сообщников в Америке, что он якобы передал Советскому Союзу «секретный гормональный луч», способный «феминизировать» солдат противника, и так далее и тому подобное.

В КОНЦЕ ПУТИ

...Солнечный жаркий август 1989 года. Я сижу в уютной гостиной в скромной квартире на четвертом этаже по-немецки основательного дома в стиле позднего ампира в самом центре Дрездена (пишу «скромной», предвидя иронические ухмылки некоторых читателей, хотя — поверьте — ученые его ранга в Советском Союзе, не говоря уже о Западе, обеспечены гораздо лучше). Раздвижные стеклянные двери открыты и виден небольшой кабинет с письменным столом и шкафами, битком набитыми книгами и журналами.

Пока хозяйка готовит традиционный немецкий кофе, подхожу к окну. Внизу, как на ладони, — нарядная и оживленная Альтмаркт, уставленная столиками летних кафе и разноцветными навесами от палящего солнца. Кругом масса туристов, стоит праздный разноязыкий шум и ничто, кажется, не предвещает грядущих бурных перемен в жизни страны. Прямо напротив окон — потемневшие от времени геральдические грифоны и львы реставрируемого здания старинной городской ратуши. За ней угадываются зияющий провал и

заросшие травой руины Фрауэнкирхе и почерневший от копоти пожарищ Цвингер. Он очень любил этот город. Его несколько раз приглашали в Берлин — там столица, там Академия наук,— но он неизменно отказывался, повторяя в шутку, что здесь, в Саксонии, ему и дышать легче, и работается лучше. Он любил его за то, что этому городу суждено было быть разрушенным до основания и возродиться вновь. В ту ужасную ночь с 13 на 14 февраля 1945 года англо-американская воздушная армада до основания разрушила рукотворное чудогород, который путешественники со всей Европы называли «Флоренцией на Эльбе». Под обломками великолепного европейского барокко и шедевров поздней готики погибло 35 тысяч человек, не считая раненых, изувеченных и оставшихся на всю жизнь калеками людей. Клаус Фукс вспоминал потом, что о бомбардировке Дрездена он узнал в Лос-Аламосе, но только через 15 лет, приехав в этот прекрасный город у излучины Эльбы, он своими глазами увидел масштабы постигшей его катастрофы. Какая-то злая безумная воля обрекла его, именно его, на тотальное уничтожение. Уже живя в ГДР, он узнал, что если бы война с гитлеровской Германией продлилась дольше, а атомную бомбу удалось бы сделать раньше, то именно Дрезден был бы выбран в качестве одной из основных целей ядерной бомбардировки.

...Но вот кофе готов, и невысокая седая женщина с удивительно молодыми и задорными глазами испытующе глядит на меня. Товарищ Грета Кейльсон-Фукс. Ее собственная жизнь — сюжет для книги:

«...сейчас, когда его уже нет со мной, я часто вспоминаю все прожитые вместе 28 лет, и прошлое предстает какими-то отдельными наплывами, эпизодами, как в кино, потому что каждый прожитый с ним день был для меня счастьем, и поэтому память причудливо выбирает из длинной череды дней какие-то отдельные эпизоды, внешне незначительные, а для меня — наполненные глубоким внутренним смыслом и значением.

...Я помню себя в погожий июльский день 1959 года, моложе ровно на тридцать лет, на бетонной полосе Шёнефельда с букетом красных гвоздик в руках и его растерянное, несколько ошеломленное и какое-то сердитое лицо на самолетном трапе, и каких-то бойких молодых людей с фотоаппаратами (потом оказалось, что это были западные журналисты, специально прилетевшие одним рейсом и допивавшие его все два часа лета из Лондона в Берлин). Увидев меня, он тут же назвал меня «Марго», сразу восстановив ту незримую душевную нить, которая протянулась между нами в те далекие сентябрьские дни 1933 года в Париже, и почему-то рассмеялся, глядя на букет с гвоздиками. Уже гораздо позже он мне рассказал, что накануне его освобождения, а в тюрьме это всегда событие, сидевшие с ним заключенные серьезно начали верить его, что в Берлине его обязательно встретит женщина с букетом красных роз, и именно поэтому он невольно рассмеялся, увидев меня в аэропорту с гвоздиками. Спасаясь от назойливых корреспондентов, мы прошли через зал для почетных гостей к машине, которая уже ждала нас, и тут Клаус, взволнованный и растерянный, в спешке и суматохе встречи, сел на этот злополучный букет гвоздик, что обнаружилось, когда мы уже подъезжали к специальной правительственной гостинице в берлинском пригороде. Он вначале очень расстроился, а потом рассмеялся, сказав только: «Это ведь были не розы, чего их жалеть».

...Потом была радостная, трогательная встреча Клауса со своим отцом Эмилом Фуком в Бад-Пирмонте, которому накануне исполнилось 85 лет. Они пробыли вместе три дня и, казалось, не могли наговориться. Между ними существовало какое-то удивительное душевное родство, и отец всегда, хотя и не

признавался в этом, выделял его среди своих детей. Через восемь лет Эмиля Фукса не стало, и Клаус, естественно, тяжело пережил смерть отца, но с какой-то радостной светлой грустью о человеке, который прожил долгую, полную испытаний жизнь и многое в ней сделал хорошего...

.. Потом была очень важная для Клауса встреча с Вальтером Ульбрихтом. Они проговорили наедине около двух часов, после чего Клаус вернулся домой каким-то необычайно окрыленным, радостно взволнованным, если хотите, очищенным. И нужно сказать, что руководство СЕПГ без колебаний доверило ему самую ответственную работу в Институте ядерных исследований в Россендорфе и Академии наук ГДР...

...По поручению ЦК я занялась, на правах старой знакомой, устройством Клауса в ГДР, причем Вальтер Ульбрихт лично интересовался этим вопросом, и поэтому все возникавшие проблемы решались мгновенно. Как получилось, что я стала Гретой Фукс? Пусть это останется нашей маленькой тайной. Мы соединили наши судьбы в том зрелом возрасте, когда взаимное чувство бывает и глубже, и сильнее, чем молодое увлечение. Удивительно, но наша скромная, в узком семейном кругу свадьба состоялась ровно через 27 лет после нашей первой встречи в Париж е. И во т здесь я, наверно е, впервые в жизни, перестала быть послушным членом партии. Я пришла к своему руководству и сказала: «Я тридцать три года в партии и знаю, что такое партийный долг. Но сейчас мой партийный долг — помочь моему мужу, создать для него семью и уют, чего он был лишен все эти годы». И они отступили. С тех пор и до самой смерти Клауса я жила для него и считала это величайшим счастьем для себя...»

Из неопубликованного интервью с Клаусом Фуксом:

«...возглавив Институт ядерных исследований в Россендорфе, я с самого начала поставил перед собой задачу создать в ГДР самостоятельную теоретическую школу ядерной физики. В институте к тому времени уже были хорошие ученые, некоторые из которых получили образование в Советском Союзе. Из этого числа я хотел бы выделить двоих моих первых докторантов: Хайнца Мюллера, внесшего большой вклад в разработку мультиспектральной камеры, и Гюнтера Флаха, нынешнего директора института в Россендорфе...»

Вспоминает директор Института ядерных исследований Академии наук Гюнтер Флах:

«...я хорошо помню первое появление Клауса Фукса в нашем институте. Все мы с любопытством ожидали появления человека, о котором так много слышали,— информационной границы между двумя немецкими государствами, как вы знаете, никогда не существовало. Он впервые появился в Россендорфе, если мне не изменяет память, осенью 1959 года, и сразу поразил нас своей простотой и демократизмом. Вел он себя совершенно естественно, не напускал на себя мученический ореол, не пытался давить своим авторитетом, а сразу, по деловому принялся за дело, вникая во все детали и не стеснясь спрашивать и выяснять новые, непонятные для него моменты. Кстати, именно этот процесс вживания, вrastания Клауса Фукса, нет, не в новую должность, а в большую науку, вызывал у нас о со бую тревогу. Британская тюрьма не сломала его, это было видно, но любая тюрьма — это, прежде всего, изоляция от внешнего мира, а в случае с ним — изоляция от большой физики, которая за эти девять лет развивалась семимильными шагами. И нужно сказать, что Клаус Фукс поразительно быстро вошел в курс новых явлений в физической науке. Ему понадобилось полтора, самое большее — два года не просто для того, чтобы осмыслить физическую и мировоззренческую суть новых явлений в науке, но и

полностью овладеть всем этим новым для него арсеналом, и более того — возглавить атомные исследования в ГДР. Я сам получил образование в Москве, стажировался в Дубне и считаю себя учеником советской школы ядерной физики (у меня даже жена русская, и тоже физик), но для меня Клаус Фукс стал Учителем с большой буквы, и как ученый, и как человек.

Какие черты характера ученого и человека запомнились больше всего? Ясность мысли, потрясающая работоспособность и активность. Феноменальная память. Необычайно широкий кругозор, стремление, по мере сил и возможностей, держать всю физику в поле зрения. Принципиальность — он всегда имел свою точку зрения и не поддавался конъюнктурным соображениям. Абсолютная твердость в научных убеждениях. Прекрасный организатор вообще и прекрасный организатор науки в частности. Остро и сильно развитое умение почувствовать перспективность того или иного направления в науке. Поразительное чутье угадывать способности людей и поощрять их. Большая душевная широта, умение внимательно выслушать чужую, не совпадающую с его собственной, точку зрения. От отвергал всякое административное воздействие, начальственный запрет и больше всего боялся подавить инициативу и творческую активность.

Чуткость, внимательность, простота и доброжелательность. Ровно относился ко всем, независимо от их положения. Любил спорщиков, ценил собственные мысли у собеседника, никогда не «давил» своим авторитетом, спорил «на равных» и терпеть не мог подхалимов. Если был не прав, всегда признавался, менял неправильное решение. В спорах иногда «заводился», но никогда не помнил обид, не держал зла и был отходчив. Лень, неумение, суетливость, равнодушие часто выводили его из себя, но он никогда не переступал грань между руководителем и подчиненным, не опускался до ругани, мелкого интриганства и подсиживания...»

Вспоминает Грета Кейльсон-Фукс:

«...потом началась жизнь, каждый день которой, как я уже говорила, был для меня счастьем, хотя как опишешь, как передашь то ощущение душевного единения, родства и взаимного понимания, когда я сижу с вязанием в руках за этим столиком, смотрю телевизор и краем глаза вижу его за письменным столом, углубленного в какие-то свои формулы, и стоит мне поднять глаза и посмотреть на него некоторое время, как он тут же поворачивается ко мне с вопросительной полуулыбкой на лице.— Нет, нет, мне ничего не нужно, я просто подумала...— Выясняется, что он подумал или вспомнил то же самое. Мы научились так тонко улавливать мельчайшие изменения в характере и настроении друг друга, что у нас образовалось нечто вроде взаимной телепатии: мы одновременно начинали думать об одном и том же. Если это не счастье, то что же это тогда?»

Помню такой забавный эпизод. В последние годы я совершенно неожиданно для себя увлеклась футболом: смотрела телерепортажи, переживала, ну, в общем, что называется — «болела». Вначале Клаус относился к этому как к блажи, подсмеивался и подтрунивал надо мной, однако, видя, как я «болею» за любимое дрезденское «Динамо», как искренне радуюсь их успехам и переживаю их поражения, начал подсаживаться со мной к телевизору. Нет, он не стал болельщиком по моему примеру, он действительно искренне хотел понять для себя, чем интересуется близкий ему чело век. Ему действительно хотелось мне сделать приятное. Вам это может показаться мелочью и пустяком, но ведь любовь, уважение, привычка, в лучшем смысле этого слова, как раз и состоит из таких вот мелочей. Это было ровное спокойное чувство уважения и понимания, окрашенное мудростью прожитых лет, когда жизнь начинаешь видеть немного

по-другому, чем в молодости. Он был внимательным и заботливым мужем, и я была очень счастлива все эти годы...

...Он был очень скромным и неприхотливым человеком, привыкшим довольствоваться малым. После того как он возглавил Институт ядерных исследований, правительство выделило нам дом в живописном месте неподалеку от Россендорфа. Отдельный двухэтажный дом с садом — престижный, в общем, атрибут его высокой должности и признание его заслуг перед страной. И этот атрибут вскоре стал самой настоящей обузой, так как Клаус был занят на работе с утра и до вечера, а мне одной управляться со всем этим хозяйством было сложно, тем более что он был категорически против любого наемного труда, я имею в виду садовника или экономку. Пришлось отказаться от дома, хотя место было чудесное и чувствовали мы себя там очень хорошо. «Нескромно» — это слово я часто слышала от него, когда речь заходила о полагавшихся ему привилегиях и льготах. Так мы оказались здесь, на Альтмаркт, и нужно сказать, я вовсе не жалею. Он очень любил Дрезден и здесь, в самом его центре, чувствовал себя очень хорошо. Кроме того, это было действительно удобно. Ну а что касается привилегий, то лишь незадолго до своей смерти, видя, что мне действительно тяжело, согласился, чтобы мне помогали хотя бы поддерживать порядок в квартире, хотя постоянно порывался помочь мне на кухне и по хозяйству, делая все с громадным энтузиазмом и по-мужски, между нами говоря, неумело...

Его самоотверженность и скромность всегда поражали меня. Руководитель британских физиков сэр Джон Кокрофт считал, что Клаус занимал одно из ключевых мест в мире атомной физики. Его защитник на процессе Куртис-Беннет заявил, что если бы Клаус Фукс не связал свою судьбу с советской разведкой, то, вероятнее всего, стал бы к концу жизни членом Британской академии наук и лауреатом Нобелевской премии. А он за все двадцать восемь вместе прожитых лет ни разу ни словом, ни намеком не дал мне понять, что жалеет о несостоявшейся карьере Нобелевского лауреата.

...Чувствовал ли он какую-то обиду к Советскому Союзу? Нет, никогда. Я это знаю точно, потому что он довольно часто бывал в СССР, у него там появились друзья (у нас вон целый шкаф забит русскими сувенирами), и если бы он чувствовал обиду, то не вел бы себя так дружелюбно и раскованно со своими советскими коллегами. То, что он сделал для Советского Союза, он сделал, исходя из собственных убеждений, повинувшись велению своей совести, и меньше всего думал о вознаграждении, знаках признательности, каких-то наградах и так далее.

Единственное, что его мучило до конца жизни, это непонимание и повторявшийся время от времени циничный ажиотаж вокруг его имени. В глубине души он ждал, что Советский Союз, признав его заслуги, защитит его от этих нападков. Но так и не дождался.

Он никогда не говорил об этом даже мне, самому близкому ему человеку. После его смерти я долго не могла заставить себя подойти к его столу, который он, кстати, убирал всегда сам и содержал в образцовом, ему одному понятном порядке. Это было то место, где мои хозяйские границы заканчивались. Все так бы и осталось, как при его жизни, но Президиум академии наук попросил меня отобрать научные записи, и в один из дней, набравшись духа, я села за этот письменный стол. Он был битком набит бумагами в разных по тематическим разделам папках. В отдельном ящике лежали письма, которые он бережно собирал и которых у него было более 500. Правый нижний ящик стола был совершенно пуст, за исключением одной вырезки из какой-то английской или

американской газ еты с рецензией на книгу Роберта Вильямса. Вы, разумеется, читали ее. Видно было, что он много раз читал и перечитывал ее: края тонкой газетной бумаги уже обтрепались и вид у нее был уже какой-то затертый. Ну а сам текст рецензии был обычным набором штампов: «атомный шпион», «убежденный фанатик», «предал интересы Запада в угоду коммунистическим догмам» и так далее и тому подобное. Он должен был, наверное, очень страдать, читая все это о себе самом, и не столько от этих, ставших привычными штампов, сколько от непонимания. И очень жаль, что он ушел из жизни с этим чувством. А умирал он очень тяжело: у него был рак легких, и перед самым концом, когда пошли метастазы, боль была невыносимой, даже морфин уже не помогал, и я мысленно желала ему одного — легкой смерти. Я провела с ним последние его часы, и он все силился, преодолевая боль, сказать мне что-то, но не мог, и так и умер, не досказав чего-то, может быть, очень важного...»

Вспоминает Гюнтер Флах:

«...какой след оставил Клаус Фукс в науке? Это может показаться парадоксальным, но его полное научное наследие еще предстоит нам собрать и изучить. Признаюсь честно, мы только начали осваивать этот массив, так как необычайно разнообразными и разносторонними были интересы этого ученого. Кроме того, не все его работы доступны исследователям, я имею в виду, прежде всего, Лос-Аламосский период его жизни. Замечу только, что практически все его коллеги по «Манхэттенскому проекту» стали в послевоенные годы Нобелевскими лауреатами и почетными членами ведущих научных обществ.

Клаус Фукс был выдающимся физиком-теоретиком и организатором науки. С его именем связаны значительные достижения в области физики твердого тела, ядерной физики, термодинамики, теории относительности и теории квантовых полей. В последние годы он, правда, отошел от теоретических исследований и занимался в основном вопросами организации науки и производства в таких ключевых областях, как вопросы безопасности ядерной энергетики и микроэлектроники. Я сознательно не упоминаю здесь его философские работы, в которых он увязывал последние достижения в области физических наук с глубинными мировоззренческими проблемами. Значительное место в его общественной деятельности занимала работа в «Движении ученых за мир». Научный и общественный спектр, как видите, самый широкий, и сейчас, став директором академического института, ученым и администратором одновременно, я не перестаю удивляться, как ему удавалось везде успевать.

О масштабе Клауса Фукса как ученого свидетельствуют даже его ранние работы, не утратившие своего значения до сих пор. Как известно, свою первую работу «Квантум — механические исследования связующих сил в металлической меди» он опубликовал в 1935 году в возрасте 23 лет в «Научных записках Британского Королевского общества». Всего до 1942 года им было опубликовано еще пять работ в области электронной теории, каждая из которых имела большое значение и на одной из которых я остановлюсь отдельно. До работы в «Манхэттенском проекте» им было написано также 14 работ (часть из них в соавторстве с Максом Борном) в области статистической механики, теории относительности, квантовых полей и атомного ядра. Особое место среди ранних работ Клауса Фукса занимает статья «Проводимость тонких металлических пластин в соответствии с электронной теорией металлов», опубликованная им в 1938 году в «Научных записках» Кембриджского философского общества. В ней он впервые доказал, что проводимость очень тонких слоев металла находится в пропорциональной зависимости от уменьшения средней длины свободного

пробега электронов, вызванного рассеиванием на границе поверхности. На базе Больцмановского уравнения переноса стало возможным получить сравнительно наглядную формулу, которая учитывает этот эффект. После того как в 1952 году Зондхаймер вывел эту же формулу в более общей универсальной форме, она была вновь подтверждена уже новыми экспериментами на новом, более совершенном физическом оборудовании и материале. В настоящее время эта формула во всех учебниках физики именуется «Уравнение Фукса — Зондхаймера» и является фундаментальной базой для объяснения электрических явлений в тонких металлах. Эта работа, которой исполнилось более 50 лет, является самой цитируемой работой Клауса Фукса, оставившей глубокий след в мире науки. В этом смысле она держит у нас в ГДР абсолютный рекорд. Хочу напомнить, что если научная работа цитируется в специальной литературе на протяжении года 10—15 раз, она считается исключительно ценной. В ГДР есть ученые, чьи работы превышали, правда ненадолго, этот считающийся рекордным уровень. Но упомянутая работа Клауса Фукса за прошедшие 20 лет 600 раз, то есть более 30 раз за один год, цитировалась в таких ведущих научных журналах, как «Physica Status Solidi A and B», «Surface Science», «Thin solid films», «Physical Review B and L», «Журнал экспериментальной и теоретической физики», «Journal of Physics F», «Физика низких температур», «Journal of Applied Physics» и ряде других. Эти выкладки были сделаны сравнительно недавно, и очень жаль, что Клаус Фукс не смог порадоваться успеху своей ранней работы.

Со дня смерти Клауса Фукса прошло уже более двух лет. В Советском Союзе снят документальный фильм о создании советской атомной бомбы, в котором Клаус Фукс занимает весьма достойное место. Впервые его имя упомянуто в газетах «Правда» и «Известия» именно в том контексте, в котором он этого заслуживает — «как пример ученого, выбравшего свой собственный путь борьбы с военной опасностью, старавшегося преодолеть объективное «зло» научного прогресса личным актом большого гражданского человеческого мужества...»

...Гюнтер Флах абсолютно прав. В этом извечном противоречии «добра» и «зла», которое несет научный прогресс, каждый ученый делает свой собственный выбор. Показательна в этом смысле судьба Джозефа Ротблэта, профессора Лондонского университета, президента Британского института радиологии, видного деятеля Пагуошского движения, которого Клаус Фукс хорошо знал по совместной работе в английской атомной программе «Тьюб Аллойз» и в «Манхэттенском проекте». Его прозрение, как он писал в статье «Почему я прекратил работу над бомбой», наступило осенью 1944 года после разговора с генералом Лесли Гроувзом, который прямо заявил: «...вы, конечно, понимаете, что настоящая цель создания ядерного оружия состоит в том, чтобы подчинить нашего главного врага — русских». Ротблэт принимает твердое решение отказаться от дальнейшей работы над бомбой и заявляет об этом руководителям проекта. Против него начинается самая настоящая травля. Начальник службы безопасности прямо обвиняет Ротблэта в «шпионаже в пользу русских». Хотя обвинения носят абсурдный и смехотворный характер, он вынужден давать показания и опровергать «свидетельства» доносчиков и осведомителей Гувера. В конце концов, досье на Ротблэта закрывают, и он, дав подписку о неразглашении, в декабре 1944 года уходит из Лос-Аламоса и уезжает в Англию.

«Работа над проектом «Манхэттен» радикально изменила мою научную карьеру и мои общественные взгляды, — писал Ротблэт в своих воспоминаниях, — она убедила меня в том, что даже чистые научные исследования неизбежно находят военное применение, и я захотел решить для себя раз и навсегда, как

будет использоваться моя научная работа. После этого я избрал аспект ядерной физики, который определенно приносил бы пользу людям,— медицину». Он сделал свой собственный выбор.

Ротблэт был одним из немногих участников «Манхэттенского проекта», кто видел Клауса Фукса в последние годы. Произошло это в Москве летом 1983 года во время Международного конгресса ученых за мир, против ядерной опасности. Они случайно оказались за одним столом и через 40 лет, естественно, с трудом узнали друг друга. Ротблэт с нескрываемым любопытством смотрел на человека, чье имя предали остракизму и чей поступок так навсегда и остался для него загадкой. Будучи сам лично честным человеком, он подсознательно понимал, что честность Клауса Фукса лежит в другом измерении и что мерить ее обычными стандартами нельзя. Позднее, в одном из интервью, говоря о нравственном долге ученого в конкретной проекции на судьбу Клауса Фукса, Ротблэт выразился следующим образом: «...каждый из нас сохраняет в себе чувство верности к чему-то: есть чувство верности к семье или чувство верности по отношению к какой-то небольшой группе людей, связанных культурной, религиозной или этнической общностью, затем есть чувство верности стране или народу. На этом чувство верности, как правило, заканчивается. Я выступаю за то, чтобы расширить понятие верности до уровня всего человечества. В настоящее время с помощью достижений науки можно стереть с лица Земли всю нашу цивилизацию, все человечество. Вот почему важно, чтобы мы все ежечасно чувствовали смертельную опасность, исходящую от ядерного оружия, и свою ответственность за судьбы мира. По чувству вав эту ответственность, мы будем верны не какой-то отдельно взятой стране, а всему человечеству в целом».

В последние годы его имя время от времени появлялось в печати Запада в связи с продолжающимися до сих пор дискуссиями на тему: сколько лет атомных исследований в ядерной гонке с США сэкономила нам информация Клауса Фукса? Ввязались в эту полемику и некоторые наши ученые и специалисты. Сроки называются разные — один, два, три или больше лет. Коробит от этих отстраненно-равнодушных рассуждений, так как какая, в общем, разница, сколько времени и сил сэкономила нам его информация. В той напряженной ядерной гонке за Соединенными Штатами счет шел на дни, а может быть, даже и на часы, и поэтому информация Клауса Фукса была воистину бесценной. О том, как близок был мир к войне в те три с небольшим года американской атомной монополии,— написано достаточно.

Западногерманский кинорежиссер Вольфганг Майер, автор нового телефильма о Клаусе Фуксе, в своем интервью с полной ответственностью утверждал: «Внимательно изучив все доступные американские документы того времени, можно, по моему мнению, достаточно аргументированно утверждать, что своим решением передать Советскому Союзу секреты атомной бомбы Клаус Фукс способствовал предотвращению ядерного нападения США на СССР во время войны в Корее. Имеются источники и документы, которые прямо указывают на то, что решение администрации Трумэна воздержаться от применения атомного оружия во время корейской войны было вызвано, в первую очередь, тем обстоятельством, что Советский Союз очень быстро создал собственную атомную бомбу и что любая попытка американцев применить свое оружие неизбежно бы вызвала ответный ядерный удар русских».

Для желающих подсчитать точный вклад переданной нам Клаусом Фуксом информации в создание советского ядерного щита следует, наверное, напомнить, что первый проект атомного нападения на Советский Союз, получивший название

«Стратегическая уязвимость России для ограниченной воздушной атаки» (доклад 329), был разработан еще в ноябре 1945 года. Не прошло и трех месяцев после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а Вашингтон уже готовился нанести ядерные удары по таким городам, как Москва, Ленинград, Горький, Свердловск, Баку, Тбилиси, Пермь и другим. Статистики из Пентагона уже тогда хладнокровно подсчитали ожидаемый материальный ущерб и приблизительное число жертв среди гражданского населения — около 13 миллионов человек. Потом были и другие проекты. Новым в них было то, что для ядерной бомбардировки Советского Союза могли быть использованы авиабазы на территории Великобритании и опорные пункты во всех районах, оккупированных США и Англией. На всех этих планах, содержание которых стало известно сравнительно недавно, стоял наивысший гриф секретности. Три с небольшим года, с августа 1945 по сентябрь 1949 года, были временем упоения Пентагона атомной монополией, и только сейфы архивов, да память политиков знают, насколько реальной была эта война.

И все же, отбросив эмоции, попытаемся ответить для себя, насколько ценной была переданная нам Клаусом Фуком информация. Для этого нужно напомнить всю хронологию событий за ядерное лидерство между США, Англией, Германией и СССР. Несложный сравнительный анализ этой хронологии помогает установить бесспорный факт — Германия первой начала исследования с целью создания атомного оружия, первой добилась реальных результатов на пути к цепной ядерной реакции, первая наладила производство металлического урана. Весь 1940-й и практически весь 1941-й годы она лидировала в атомной гонке. В это же время, как мы знаем, значительных успехов достигли и английские ученые, но они вскоре прекратили самостоятельные исследования, влившись в американский «Манхэттенский проект».

В 1942 году расстановка сил резко изменилась: немецкий проект забуксовал на месте, а за океаном произошел резкий рывок вперед. Это неудивительно, так как работы над созданием атомного оружия в Германии в зависимости от обстановки на фронтах то включались в список приоритетных проблем, то исключались из них. Чтобы перейти от лабораторных исследований к промышленным разработкам, американцам пришлось затратить 2 миллиарда долларов и бросить на сооружение предприятий атомной промышленности почти 150-тысячную армию строителей. На разработку немецкой атомной бомбы было отпущено в 200 раз меньше средств и в 1500 раз меньше людских резервов, чем в США. После сокрушительных поражений на Востоке гитлеровцы вообще отказались от идеи поставить на промышленную основу производство нового оружия.

Туман секретности, окружающий советский атомный проект, до сих пор, спустя сорок лет после первых ядерных взрывов в казахстанских степях, рассеивается с трудом. Эту завесу немного приоткрыли авторы телефильма «Риск-П». В октябре 1989 года первый заместитель И. В. Курчатова в 1950—1958 годах профессор И. Н. Головин в интервью газете «Московские новости» утверждал, что, хотя принципиальное решение о развертывании советского атомного проекта было принято в ноябре 1942 года на специальном совещании у Сталина в присутствии академиков А. Ф. Иоффе, П. Л. Капицы, В. Г. Хлопина и В. И. Вернадского, фактически настоящие работы по созданию атомной бомбы были начаты лишь после окончания войны. «Сначала атомный проект,— вспоминает И. Н. Головин,— находился под общим руководством Молотова. Все обсуждения Курчатова вел с ним, от него же получал «руководящие указания». Но

дела шли, как говорится, ни шатко ни валко. Сохранился любопытный документ — письмо Курчатова на имя Берия. Оно написано от руки, но неизвестно, копия это или неотосланное письмо. Дело в том, что секретность не позволяла доверять подобные тексты машинисткам, и эти письма отсылались «наверх» в рукописном виде. И в этом письме идет речь о том, что руководство Молотова недоволено, что прошел год, а геологические изыскания урановых месторождений еще не развернуты. Без урана же ничего вообще сделать нельзя, а разведанные еще до войны запасы явно недостаточны. Если письмо было послано, то это произошло в конце 1944— начале 1945 го да. Оно ли или же другие обстоятельства сыграли роль, но как бы там ни было в 1945 году администратором атомного проекта стал Берия».

Многое в советском атомном проекте, как уже отмечалось, окутано тайной, но интересно отметить, что принципиальное решение о развертывании работ по созданию советской атомной бомбы было принято через одиннадцать месяцев после того, как Клаус Фукс начал передавать нам информацию о британских ядерных разработках и англо-американском сотрудничестве в этой области. То, что работы, по выражению И. Н. Головина, шли «ни шатко ни валко», можно объяснить только тем, что советское руководство во главе со Сталиным хотя и знало с самого начала, из донесений внешней разведки, от Фукса и от других источников, о ходе этих работ, советским исследованиям в этой области должного внимания не было уделено, так как до конца не представляло себе громадной разрушительной силы нового оружия. Сталин достаточно спокойно отреагировал на сообщение Трумэна на Потсдамской конференции не только потому, что непревзойденно умел скрывать свои подлинные чувства в переговорах с союзниками и противниками, а еще и потому, что атомная бомба была для него пока еще абстракцией. Настоящая гонка началась тогда, когда были получены первые ошеломляющие свидетельства трагедии Хиросимы и Нагасаки и, рискну предположить, переданные Клаусом Фуксом расчеты поражающего эффекта плутониевого заряда в Аламогордо и атомных бомбардировок Японии. Именно тогда советские ученые начали получать неограниченную поддержку, именно тогда зачастили правительственные представители и уполномоченные в Курчатовскую «Лабораторию № 1», именно тогда, как вспоминает И. Н. Головин, исчезли проблемы, связанные с трудовыми ресурсами,— ведомство Берии поставляло бесплатную и неприхотливую рабочую силу десятками тысяч — это горькая, страшная правда советского атомного проекта, и писать о ней нужно, если мы действительно хотим знать ее. Этот последний решающий этап атомной гонки был самым тяжелым и изматывающим. Советские ученые, как мы знаем, остановились на плутониевом заряде, и по этому информация Клауса Фукса, который в Лос-Аламосе работал именно над этим проектом, была для нас воистину бесценной. И это нужно прямо признать, без всяких ложных соображений национального престижа и научного приоритета.

Покойный академик Андрей Дмитриевич Сахаров назвал вклад Клауса Фукса в создание советской атомной бомбы «огромным». Поэтому и нужно воздать ему должное.

Из неопубликованного интервью Клауса Фукса:

«...в моей жизни были события и поступки, которые я не скрывал и не собираюсь скрывать и которые я бы сейчас не сделал или сделал бы по-другому. В конце, как говорится, пути, глядя на 75 прожитых лет, хорошо видишь все ошибки, которые совершил за эти годы и которые можно было бы избежать. Но я глубоко убежден в том, что если твоя жизненная линия, несмотря на все ошибки'

промахи и упущения, все-таки вела к какой-то раз и навсегда тобой выбранной цели, и если этой цели удалось достичь или, по крайней мере, максимально приблизиться к ней, и если на этом пути ты не растерял себя, не разменял на мелочи, не подличал, не унижался, не лез по трупам, расталкивая локтями других, и если сохранил в душе тот нравственный стержень, который на разных языках называется одним словом — совесть, то можешь смело считать, что твоя жизнь удалась...»

Очерк о К. Фуксе — первая в СССР публикация о его разведывательной деятельности.